

Юрий БЛИНОВ

г. Москва

Златокупящая Дангизей

роман

Часть пятая ВОСХОЖДЕНИЕ И КРАХ

Год 7101 — начало летоисчисления
от сотворения мира

1. Нужные встречи

В остроге у Острожского Дмитрий долго не задержался, вскоре уехал в Польшу, оставив Афоню наедине с книгами и гостями князя. Проявив большой интерес к мореплаванию, Афоня большую часть времени проводил в библиотеке, изучал историю морских походов, открытия новых земель, путей, исследовал морские карты. В библиотеке он познакомился с весьма интересным англичанином, учёным и мореплавателем Томасом Лесли. Судьба помотала Тома-

са по свету, поносила по разным континентам, странам, городам, весям. Будучи историком, Лесли хорошо знал географию, мореходство, изучил их не только по книгам, картам, атласам, а на собственном опыте странствий по морям и океанам. Афанасий не знал английского, но и латыни ему хватало, чтобы не только близко сойтись с англичанином, но и вести беседы на разные темы, в том числе и философские.

Афанасий спросил, что привело Томаса в Киев.

— О-о! — протянул англичанин, благодушно улыбаясь. — Это длинная история. Я и не думал сюда ехать. Я путешествовал по Франции, где подвергся преследованию, мне удалось бежать в Моравию, но и там от меня не отстали, приш-

Окончание. Начало в журнале «Север» № 3-4, 5-6 2014 г.

лось удирать в Польшу, а уж оттуда сюда, в Киев. Меня преследовали, из-за веры в том числе. Я, мой юный друг, весьма любознателен. Люблю тайны, секреты, даже такие, которые строго охраняются. Вот сейчас очень интересуюсь Россией. И вот что я тебе скажу: Россия насчёт веры относительно свободная страна, не то что Польша или Франция. Польша вообще страна одних католиков, другие веры они не очень-то приветают либо относятся очень настороженно. Во Франции за отстаивание своей веры можешь остаться без головы. Русским без разницы, кто я, какой веры, лишь бы был человеком и не мешал интересам России. Зато в России можно потерять голову просто так. «Не за фунт изюма» — как у вас говорят, — усмехнулся Лесли.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Афанасий и весь будто напрягся.

— Ну, например, заподозрят, что шпион, и сразу, без суда и следствия — на плаху.

— Насчёт плахи сильно сказано, — засомневался Афанасий. — Я не знаю, так ли? Знаю, что при Иоанне Грозном чужестранцев-соглядатаев-шпионов топили в проруби. Зима у нас длинная, реки широкие, топи сколько душе угодно.

Томас чуть нахмурился, размышляя о своем, и спросил:

— Я вижу, ты хотя и юн, но в некоторых вещах сведущ. Любопытен, должно?

— Наверное, — охотно согласился Афанасий. — Книги вот читаю запоем, имею интерес к старине, к берестяным грамотам, мореходством сейчас увлёкся.

— Книги — это хорошо. А сам путешествовал когда-нибудь? Бывал ли в других странах? — выяснял англичанин, наблюдая за новым знакомым.

— В других странах — нет, а в своей стране мы с другом Гришаней от Ярославля до Киева пешком дошли.

Лесли остался доволен ответом:

— Выходит, определённый опыт имеешь. Я тоже с этого начал, прошёл пешком от Стирлинга до Лондона.

— Так ты не англичанин? Ты из Шотландии? — с удивлением воскликнул Афоня. — Все думают, что ты оттуда, из Британии.

В голосе Томаса зазвучала гордость за свой народ:

— Нет, нет, я коренной шотландец. Есть такой независимый и неуступчивый народ на севере Британских островов. Нашу страну ещё называют Скотланд, страна скотоводов. Мой народ не только выращивает скот, лошадей, овец, он высоко в горах строит замки, крепости. И всю свою многовековую историю воюет за свободу и независимость с англичанами.

— Русские тоже всю жизнь воюют с поляками, татарами, шведами... — невесело вставил Афоня.

— К сожалению, во всём мире так, — с огорчением подытожил Томас. — Я был во многих странах — везде одно и то же. Везде войны, борьба за свободу, за земли. И всё из-за богатств, из-за наживы, людям всё мало, хочется больше: царствовать, повелевать, купаться в роскоши. И везде льётся кровь, сеется смерть. Разве этому нас учит Господь Бог, разве в этом смысл существования на земле?

— В чём же? — спросил вдруг Афоня.

— В чём?.. — задумался Томас. — В спасении души от поползновений дьявола.

— И только?

— Разве этого мало? По-твоему, Христос не прав, спасая нас от наущений сатаны?

— Безусловно, прав, но, согласись, смысл существования и борьба Господа с дьяволом — разные вещи.

— Не разные! — в голосе англичанина мелькнул гнев. — Подрастёшь — поймёшь. Ты сказал, что увлёкся мореходством, пешком путешествовал, а ходил ли ты на больших кораблях? — переключил тему Томас.

— Не только не ходил, но и корабль никогда не видел и море тоже. Катался по Днепру и Волге на лодках, вот и всё, — с грустью признался Афоня и развел руками.

— Впрочем, зачем я спрашиваю, ты и хотел бы, да не смог, — рассудил Лесли. — У вас в стране нет настоящих кораблей, всё больше струги да насады. Я плавал на них, они слабо держат атаки морских волн: трещат, сыплются, перевёртываются. Словом, не годны для плавания по морям, океанам. Паруса у них не противостоят даже среднему морскому ветру.

Афоня даже чуть приобиделся за державу:

— Неужели всё так плохо?! Выбьюсь в люди, обязательно начну строить настоящие корабли! В какой стране они лучшие?

— В Англии, конечно. Англия первейшая на море — владычица.

— Ясно, — вздохнул Афоня. — А ты сам много ходил по морям, океанам?

— Больше чем достаточно, — покровительственно и с долей гордости ответил Томас. — Началось всё с известного в мире первооткрывателя Себастьяна Кабота. Он основал «Общество по открытию стран, земель, островов, народов». С кораблями его Общества я ходил в Северную и Южную Америку, в Перу, Боливию. В Африку не собирались, но нас занёс туда шторм и тёплое течение. Однако самое интересное произошло со мной ещё раньше, в счастливой юности. Я тогда впервые тайно проник на палубу корабля.

— Как? — загорелись глаза у Афанасия.

— Слушай, — начал Томас свой рассказ. — В поход тот раз готовились три королевских корабля. Я пролез на главный и затаился. Это было, как сейчас помню, в мае 1578 года. Три корабля под командованием сэра Мартина Фробишера вышли в море. К ним примкнули ещё суда купцов и предприимчивых дворян. Получилась целая эскадра из пятнадцати, если не больше, кораблей. Везли людей и инструмент на разработку золотых рудников, открытых сэром Фробишером в Скандинавии в колонии «Neta Inkoqnito».

Только мы вышли в море, я сразу вылез из укрытия и предстал перед командующим Фробишером. Получил изрядную выволочку, обещание, что на первом же по пути острове, пусть и необитаемом, меня с корабля высадят. Пока, то есть до острова, определили под опеку боцмана и поставили драить палубу. Я и такому был рад, молил только Бога, чтоб не попало на пути острова. Спустя три недели мы достигли берегов Гренландии, около которых встретили больших китов...

— Китов?! — с восхищением воскликнул Афоня. — Я читал про них. Хочется хоть одним глазом на них глянуть. Что это за рыба?

— Киты — это тебе не рыба, это зверь! Матки китиха вскармливает китёнка молоком. Киты известны мореплавателям с древних времён, даже в Библии, в притче об Иове, есть. В древности вообще считали, что Земля держится на трёх китах. Киты разные, есть небольшие, относительно, конечно, например, кашалоты. Огром-

ные синие — они в длину достигают пятнадцати саженей, а то и больше.

Глаза Афони округлились.

— А головой киты разве что на налимов похожи, морда точь-в-точь такая, только в сто раз больше, — продолжал Томас. — Значит, встретили мы большое стадо китов, прошли около них, хотели взять одного-двух, нашлись охотники, но сэр Мартин запретил. Куда такую тушу? На судно под разделку не возмёшь — некуда. За собой по воде тащить — испортится. Плывём, значит, дальше, подошли к заливу сэра Фробишера, залив на нашу беду оказался весь забит льдами, причём огромной толщины. Пройти в гавань оказалось невозможным. Один смельчак нашёлся, повёл судно по расщелинам. Расщелины как будто ждали его. В определённый момент сошлись и, как яичную скорлупу, раздавили. Хруст корабля и крики гибнущих людей по всему заливу разнеслись. И, наверное, чтоб не мучить пострадавших людей, льдины тут же разошлись, и море поглотило корабль вместе с людьми. Этим дело не кончилось, это было только начало. Тут же налетела на нас страшной силы буря. Ветер дул с залива, и на корабли с трёх сторон угрожающе пошли льдины огромные. Корабли бросились удирать от них в открытое море. Наш корабль тоже кинулся вслед за остальными, мы успели оторваться от льдин и взяли на гитовы.

— Что значит «гитовы»? — с жаром и огнём в глазах, слушая историю о крушении, спросил Афанасий, как будто сам вот сей момент уходил от айсбергов.

— «Взять на гитовы», значит, лечь в дрейф — идти совсем малым ходом при спущенных парусах. Многие тогда корабли замешкались и не смогли вовремя совершить манёвр, и, хотя укрывали борта тюфяками, досками, не помогло. Лёды ломали их как щепки, мяли, крошили и отправляли на дно. Треск, рёв, стон, крики о помощи! Этот ужас происходил на моих глазах, и ничем нельзя было помочь, — Томас мрачно поджал губы, глаза его потемнели, будто он снова переживал трагедию. — Кинься наш корабль подбирать людей — и лёды бы самих не пощадили, раздавили за милую душу, — тяжело вздохнул он, словно оправдываясь. — Единичам удалось спастись, из уцелевших многие оказались ране-

ными. Простояли мы тогда у залива целый месяц в ожидании, когда льды растают, и только в конце лета вошли в бухту. Корабли оказались в таком плачевном состоянии, что пришлось весь материал, привезённый для строительства фактории, использовать на восстановление парусников. На это дело ушло больше месяца, и только глубокой осенью мы вернулись в Англию. Так бесславно закончились поход сэра Мартина Фробिशера и моё первое плавание, которое, однако, оставило глубокий след в моей памяти, — Лесли умолк и опустил голову.

Афанасий помолчал, пораженный этой историей, а потом спросил:

— Что стало с найденным золотом? Бросили, неужели больше не пытались освоить золотые залежи?

— Все дело-то в том, что мы вообще зря туда ходили. Золото оказалось совсем не золото, а пирит — огненный камень, очень похожий на золото. Пирит по ценности много уступает золоту. Такое случается: ищешь одно, а находишь другое.

— Вот бы мне тоже в море. Очень хотелось бы это испытать, так хочется попутешествовать, себя найти, открыть что-нибудь! — вновь мечтательно и восхищенно загорелись глаза у Афанасия.

— Успеешь ещё. Ты пока вот что: не теряй время, изучай, переписывай труды учёных людей, мореплавателей. Пригодится. Есть у меня список с рукописи Гемскера о его плавании по северным морям. Ты-то, должно, с северных начнёшь, у России на юге пока нет ничего, тебе этот список очень пригодится. Ещё есть перевод рукописи известного мореплавателя Вильяма Берентсона, тоже о северных морях. Я сам перевёл с голландского на английский.

— Ну и как я прочту, я же не знаю английского? — расстроено спросил Афанасий на латыни.

— Английский не так труден, как кажется. Не то что латынь. Латынью же ты овладел. На меня посмотри — я владею девятью иностранными языками, как-то же смог. Теперь вот русским занялся, а он весьма сложен. Честно признаюсь, плохо он идёт у меня. Поможешь?

— Конечно! — с пылом воскликнул Афоня, ему не терпелось подсобить учёному — умному человеку, тем более — путешественнику, мо-

реплавателю. — Томас, а в каком чине ты ходил по морям?

— Я сначала и довольно долго был простым матросом, потом помощником капитана, до капитана так и не дотянул. Зато стал миссионером и известным путешественником, повидал кое-что.

Афоня был вдохновлён.

— Путешествовать, особенно по морям — моя мечта! — с воодушевлением ответил он. — Мне страсть как хочется повидать другие земли, открыть что-нибудь.

— Приложи усилия — всё получится. У меня ещё есть карты и описание путешествий мореходов древнейшей истории периода Карфагена, это аж две тысячи лет назад. Есть карты, описанные Геродотом, есть «География» Птолемея на греческом языке. Есть сведения о путешествии Марко Поло, который в своих странствиях достиг Индии, куда англичанам до последнего времени был заказан путь Великой Армадой испанцев. Ты, должно, слышал о Христофоре Колумбе? — Афоня отрицательно покачал головой. — О-о! Это великий человек, — увлеченно продолжал Томас. — Он открыл Америку. Это очень большая земля, больше России, состоит из двух материков: Северной Америки и Южной. Португальца Васко де Гама ты, должно, знаешь? Он первый по морям дошёл до Индии. Тебе бы в первую голову надо научиться читать морские карты. Ты пробовал?

— Нет. Как можно читать то, чего в глаза не видел? — робко пояснил Афоня, даже будто устыдившись своего невежества.

— Понятно, — усмехнулся Томас. — Значит, договорились, ты меня учишь русскому, я тебя — читать карты.

Всю весну и лето свободный от дел Афоня изучал английский язык, учился читать морские карты, знакомился, штудировал списки, записи Томаса Лесли. Английский язык, сдобренный пояснениями Томаса, порой грубыми, а то и непечатными шотландскими выражениями, давался ему легко. И вскоре он сносно мог общаться и переводить с английского на русский.

Осенью им пришлось расстаться, князь Константин отправил Афонию и Дмитрия от греха подальше в Дерманский монастырь. Сogleдатаи сообщили королю Сигизмунду, что

Острожский пригрозил у себя беглого угличского царевича, наследника Иоанна Грозного, оставшего, как в сказке, из мёртвых. Сигизмунд не то чтобы запретил, а заинтересовался и послал лазутчиков. Предупрежденный Острожский заблаговременно принял меры.

Дмитрий, продолжая налаживать связи и ища сторонников, то и дело уезжал из монастыря, иногда отсутствовал по месяцу. Возвращался усталый, разбитый и грязный от пыли, пропахший конским потом. Экипажей он не признавал и носился по Польше, как истинный шляхтич, в седле, с длинной саблей на боку. Иногда приезжал обозлённый, иногда неумеренно весёлый, всё зависело от того, как его приняли, что пообещали поляки. Константин не вмешивался в его дела, предоставив определяться в этом вопросе Адаму Вишневецкому.

Дмитрий за время общения со шляхтой, с простыми людьми, с двором научился хорошо говорить по-польски, даже общаясь с Афанасием, незаметно для себя иногда переходил на чужой язык, не понимая, почему друг неприязненно морщится.

— Я что-то не то сказал? — спросил как-то недовольно он, когда друзья были в своей комнатке. — Не пойму, чего ты кривишься?

— Не смешивай русский с польским, не пшикай, — поджал губы Афоня.

— Я что, по-польски тарабанил? Не заметил, — рассмеялся Дмитрий. — Эх, Афоня, сидишь ты тут и ничего не видишь, а какие панночки в Варшаве, в Кракове. Как изысканны, как благородны, начитанны. Куда нашим! Я представляю, что делается в Париже, Вене, Риме, как там бурлит жизнь, — мечтательно заливался Дмитрий.

— И чёрт с ними, пускай бесятся, — буркнул в ответ Афанасий. — Нам ли, русским людям, на них оглядываться. И у нас есть чем гордиться! Наши девицы — писанные красавицы, а не напыщенные, расфуфыренные иноземки. Таких, как наши, нигде нет.

— Тебе ли о них судить! — в запале крикнул Дмитрий. — Сидишь сиднем в библиотеке, дальше своего носа не видишь. Погоди, западёшь на какую-нибудь панёнку, будешь просить меня сосватать.

— Упаси боже! — перекрестился Афоня. —

Лучше я схиму приму и обратно на Русь подамся, если не в угличский монастырь, то в скиты ярославские пойду.

— Ладно, эвон куда тебя занесло. Ты, как я заговорю о бабах, начинаешь волком выть, огрызаться. Скажи лучше, что стоящего накопал в библиотеке?

— Так, больше для себя, и для тебя кое-что есть интересное.

— Вот это разговор. Так, что именно? — живо заинтересовался Дмитрий. Он умудрялся всё, что его действительно интересовало, схватывать на лету. Если Афанасий и незначительные задачи решал основательно, доходя до мелочей, нередко прибегая к совету умных людей, учёных, то Дмитрию достаточно было внимательно выслушать её, чтобы найти способы её решения. Умен был, смекалист. Помимо быстрого мышления, он ещё и был крут в делах, поспевал всюду. Только вот сейчас вернулся из деловой поездки в Краков, кажись, вусмерть усталый. Глядь — а он уже сидит за бумагами, читает то, что, казалось, не нужно вовсе.

— Знаешь, что за люди на Константина трудятся? — вроде как ни к чему спрашивает Афоня он. — Одних евреев двести с лишком семей. Пожалуй, столько жидов на всю Московию не наберётся.

— Им там не климат, — обстоятельно рассуждал Афоня, — в Киеве, в Польше не в пример теплее, чем в Москве и Новгороде. Тем более в наше время, сейчас там войны и голодуха. Ляхи их привечают, поскольку евреи грамотны, толк в деньгах знают, с детства этому обучены. Потому и берут их панове в поместья экономками, барышниками. Евреи — народ коллективный, ушлый, стоит одному устроиться, обжиться, он сразу роднёй обзаводится, родственников к себе тащит.

Дмитрий, расположившийся на лавке, лениво почесал затылок и выдал:

— Я слова Еремея до сих пор помню. «Жида, — говорил он, — тараканье племя». Что у них не отнимешь, так это толк в финансах, здесь им равных нет. В Москву не едут, оттого что учиться негде — ни школ, ни синагог там.

— При Иоанне Грозном стояла одна, так опричники и её похерили: подожгли, разграбили. Годунов ни одну не открыл. Он только о себе и о

своих чадах беспокоится. Для сына Фёдора учителей из Европы нанял, которые и его дочь Ксению учили грамоте. Фёдор, говорят, хорошо учился, речную карту Московского государства собственноручно выпустил, — Афанасий испытующе глянул на друга.

Тот мигом вспыхнул:

— Ты мне не говори ничего про этого Годунова, будь моя воля, я бы его на первой берёзе повесил.

— Что ты злишься? Я к тому, что Фёдор, в отличие от своей безграмотной семьи, начитан, образован. Врага, чтобы победить, надо изучить до тонкостей, знать, чем дышит? А насчёт повесить, у тебя, я думаю, ещё будет время. Придёт срок, — успокоил Дмитрия Афоня.

— Будет ли? Доживём ли? Тихо всё идёт, волочита кругом. Я только что из Кракова, — стал рассказывать о последней поездке Дмитрий. — Люди, шляхта, примерно половина — за меня, за мою правоту, половина — против. Обещают помощь, а чем конкретно — не говорят. Тянут кота за хвост.

— Главное, чтоб король Сигизмунд был за тебя, там и шляхта подтянется, — толковал Афанасий, попутно проверяя свои писчие перья, разложенные на столе.

— К королю я пока не вхож, но скоро смогу и до него добраться. Хочу ещё папе Клименту в Рим письмо написать. Может, он поможет.

— Это ты хорошо придумал, — Афанасий поднял глаза на приятеля, — но учти: папа за просто так помощь никому не оказывает.

Дмитрий привалился на стол и мечтательно произнес:

— Погоди... Мне только на трон сесть... Воздам сполна и ему.

Афоня покачал головой:

— Я же тебе говорю, у него аппетиты больше, чем ты можешь себе представить.

— Ничего. В Москве богатств немерено, — знай гнул своё строптивый друг.

— Золото, драгоценности, что ли? Нужны они ему... Как же! Главное богатство для него не по сундукам спрятано. Главное богатство у папы — люди, их души. Смекаешь, о чём я?

— Запросит людей повернуть к вере католической, к костёлам? — зевая, соображал вслух Дмитрий.

— Конечно, именно это и нужно папе! — воскликнул Афоня, отложив свои перья.

— Ну и чёрт с ним! — махнул рукой Дмитрий, давая понять, что ни перед чем не остановится. — Пообещаю ему костёлы построить, пусть тешит себя. У меня от обещаний язык не отвалится.

— С папой шутить думаешь?! — повывисив голос, предостерегал Афоня. — Выкинь из головы. Если пообещаешь, придётся строить. Ксендзам, католикам придётся дорогу открыть, они из всех щелей попрут, Московию заполонят. Острожский с каким трудом от них отбивается, всё равно как саранча лезут.

— Эх, Афоня, Афоня! — Дмитрий подпер подбородок ладонью и снисходительно посмотрел на друга. — Не бери душу, не рви сердце. Главное — трон завоевать, а там посмотрим! Что делать, кому давать, что для страны важнее — костёлы в Москве или нужники в тайге?

Афоня аж вскочил и нервно начал ходить вдоль стола.

— Ещё четырёста лет назад, когда свободной от монгол оставалась лишь одна червонная Русь, князь Даниил Галицкий отверг предложение Папы Римского о принятии католичества. В обмен папа обещал помощь в борьбе с татарами, сулил дать войско и золото, говорил, что поможет освободить Киев, тогдашнюю столицу Руси, от орды. Даниил сознательно не пошёл на это, потому что Русь до корней волос страна православная и сильна этой верой! — В запале Афоня даже схватил рукой свой нательный крест.

— Я это помню и знаю, и Еремей говорил нам об этом. Папа хотел тогда полного и повсеместного для Руси католичества, — лениво зевая, говорил Дмитрий. — Сейчас об этом речь не идёт, я пообещаю ему только то, что не стану препятствовать ксендзам править службы на нашей земле. У нас ведь много иноземцев сейчас живёт, работает, те же поляки, шведы, англичане, немцы, голландцы. Все они веры католической, все хотят в своих храмах молиться, надо дать им эту возможность, пусть по своему обряду Господа славят.

Афоня сдерживал себя, чтобы вконец не вскипеть:

— Ох, Дмитрий, вижу я, нутром чую, что добром твои начинания не кончатся. Уж больно ты католиков желаешь приблизить, похоже,

что и сам готов в их веру перейти. Ездишь по Польше, с поляками целуешься, милуешься, вино с ними хлещешь, не дай бог ещё католическую себе в жёны возмёшь.

— Перестань мне глупости говорить. Я православным родился, православным и умру. Сомневаешься? Я тебе что, дал повод? — попытался отговориться Дмитрий.

— Пока нет. Ты себя тешишь, что не будешь зависим, — внушал самонадеянному другу Афоня. — Но история о другом говорит. Власть, как и деньги, никто даром не даёт и в долг без роста, без процентов не предложит. За всё, Дмитрий, надо платить, иногда цену непомерную. Католикам, исторически известно, дай только палец — они по локоть руку откусят, запрягут и поедут. Они умеют мягко стелить, да жёстко спать потом. Католицизм — самая хитро-мудрая, коварная, беспощадная вера, — горячо толковал Афанасий.

— Не каркай понапрасну, — не желал его слушать Дмитрий. — Давай поменяем тему. Мне на днях надо в Краков съездить, не желаешь ли со мной? Засиделся ты, я вижу, в библиотеке, наверное, уже и верхом ездить разучился.

Афоня мгновение помялся и начал:

— Если я тебе не особо там нужен, то позволь остаться. Лесли обещал вернуться. Увлёк он меня морским делом. Сплю и море вижу. Особливо интересно мореходство, путешествия по морям, океанам, открытия новых земель, стран, путей. От него можно многое из перечисленного узнать. Ты представляешь, у него морские карты с древнейших времён! — Похоже, Афанасий не на шутку погрузился в новое увлечение.

— А-а, это тот англичанин, точнее — шотландец. Что же, дело полезное, — немного подумав, без особой радости согласился Дмитрий. — Мне хорошие мореходы нужны будут. В таком случае оставайся, если, конечно, не хочешь на польский высший свет посмотреть, узнать, чем они живут, что о России думают.

— Ты не обижайся. В другой раз я обязательно поеду, — приобнял его преданный Афоня, уже позабыв про стычку.

— Ладно, чего ты, — отстранился от него Дмитрий. — Я сейчас ещё заплачу. Пойду, однако, надо в дорогу собираться.

Дмитрий уехал, зато Томас Лесли не заста-

вил себя долго ждать, сразу почти и появился на пороге.

— Худые дела в твоём государстве, Афанасий, — подливая в кубок медовухи, привезённой из Острога, начал с недобрых вестей он, пряча от Афони взор. Но тут же спросил с улыбкой: — Как думаешь, не накажет меня монастырская братия за любовь к Бахусу?

— Пей, не бойся, — успокоил его Афанасий. — Меня здесь за монаха не считают, значит, тебе нечего волноваться. На меня местная братия смотрит как на еретика, — усмехнулся он.

— Почто так? — сделав глоток из кубка, спросил Томас.

— Крещусь не так, как они! Не шепотью. Мне вот почему-то всё едино — что двумя, что тремя перстами, а они морду воротят, морщатся.

— Разве такое разумно? — недоумевал англичанин. — Каждый волен молиться по-своему, лишь бы верил истинно.

— А пошли они! Налей мне тоже. — Афоня подставил Лесли и свой кубок. — Ты что-то о худых делах в Московии заикнулся?

Сделали по глотку, помолчали.

— Я сейчас из Киева еду, встречался там с паломниками из Москвы. Они-то и поведали, что в Москве страшный голод, — поделился Томас новостями.

— Я про то слышал. Отчего, почему не говорят?

Томас помедлил, подбирая слова, и начал:

— По-разному, но в основном на царя Бориса грешат. Он, когда восходил на трон, посулил народу золотые горы, манну небесную, однако никаких запасов на случай худых времён не сделал. И первый же неудачный из-за проливных дождей и заморозков год привёл к голоду. Не родился хлеб. Пришел мор такой, что никому мало не показалось. Народ умирает тысячами.

Лицо Афанасия изменилось — встревожился не на шутку:

— Тысячами? Не слишком ли? Может, слухи?

— Я тоже склонился к тому. Однако не одни паломники такое говорят. Встретил я также группу оборванцев, худых, заморённых донельзя. Бежали из России от голода, от мора, они такое порассказывали, что передавать страшно.

— Раз начал, договаривай, замахнулся — так бей! — нетерпеливо воскликнул Афоня. — Замах, говорят, хуже удара.

Томас Лесли словно ком в горле сглотнул и с болью в голосе ответил:

— Родители бросают в колодцы детей, чтобы не слышать их голодные вопли. Отцы убивают детей, жён, чтобы не мучились, а следом себя. По дорогам ходят толпы озверевших, изголодавшихся вконец людей. С их губ стекают зелёные слюни от поедания травы-лебедеи, глаза у них гнойные, они едят собственные испражнения. Процветает людоедство, в цене маленькие дети.

Услышав это, Афанасий словно обмер.

— Боже милостивый, спаси и помилуй, — обрattился истово Афоня к Господу, вспомнив родных, которых уже много лет не видел, о которых ничего не знал. Про себя прошептал: «Живы ли? Может, давно на погост снесли?» — он стиснул зубы и, не сумев сдержать себя, судорожно, почти беззвучно зарыдал, роняя слёзы прямо на пол, но почти сразу взял себя в руки, хрипло спросил: — Борис-то хоть что-нибудь для несчастных делает?

Томасу ничего не оставалось, как признаться, что слышал:

— Говорят, что начал раздачу денег. Включили печатный станок и возами вывозят на площадь деньги. Но чем больше напечатают — тем деньги дешевле, а цены, наоборот, дороже, и растут не по дням, а по часам. В Москву, привлечённые дармовыми деньгами, стекаются толпы народу, идут со всех сторон, даже из иных государств. Деньги — в драку, участились грабежи, убийства, воровство. В результате стало ещё хуже, вместо того чтобы уменьшить число голодающих, он добился обратного. Людям ведь не деньги — бумажки нужны, а хлеб. Где его взять, если скот подчистую вырезан, огороды вытоптаны, перерыты не на один раз, овощи с землёй съедены. В Московии всё выметено подчистую, как в пустыне.

Пил после слов Томаса Афанасий Тучков крепкое вино, пил медовуху и не пьянел, только гонял желваки по скулам, зло смахивал с лица солёную слезу, обхватив свою буйную головушку руками. Злость поднималась изнутри на бездушного, безуспешного царя Бориса, на его бояр и подданных, правящих Россией. С отрочества мечтали они с Дмитрием покончить с Годуновым и его приспешниками, а теперешние вести о бездарном царстве Годунова ещё больше возмутили его.

Томас Лесли сидел рядом и сопереживал Афанасию, не забывая подливать в кубки медовухи и рейнского вина, привезённого им в достаточном количестве.

— Не убивайся, Афоня, в Европе сейчас тоже не слаще — чума, холера, голод, мор во многих странах, где нет голода, там войны, что тоже не лучше. Голод и войны — сёстры, за ними следом идут смуты, разбои, грабежи и, как следствие, гибель народов.

— Не утешай меня, Томас. Тошно мне, душа болит. И помочь ничем не можешь. Выдюжит ли Россия, не вымрет ли? — тяжело выдохнул изгоревавшийся Афоня.

— С твоей страной не впервые такое. В Англии такое уже при мне случилось. Когда я вернулся из первого похода, то нашёл свою страну, семью в страшном разорении и нищете. Чума всю гуляла по стране, пожирала людей, не щадя ни старого, ни малого. Не было дома, куда бы ни заглянула она. Вслед за ней, как второе нашествие, пошли мытари с солдатами, выгребая из домов за неуплату налогов оставшееся. Всё подчистую. Известно: чем труднее народу — тем больше лютует власть. Все деньги, полученные от сэра Мартина Фробишера, я отдал за выкуп земли, отобранной за недоимки. Так хотел построить свой дом, осесть на земле, жениться, завести детей. Ничего не вышло! — он помолчал и продолжил. — Пей вино, Афанасий, в вине — суть, в нём — истина. Чем крепче вино — тем крепче забываешься, — произнёс уверенно Томас, встал с трудом и начал прощаться. — Быть тебе мореходом, Афоня, — сказал напоследок он. — Я по глазам твоим вижу, что крепко заразил этим тебя. Но я доволен. Быть посему. И на этом прощай. Неизвестно, увидимся ли. Я уеду на Кавказ, а оттуда хочу в Россию, но, естественно, тогда, когда там хотя бы мало-мальски жизнь наладится.

2. Запорожская Сечь и вольная вольница

Дмитрий вернулся из очередной поездки только поздней осенью. Приехал разбитый и усталый, но в приподнятом настроении. Афоня находился в своей келье, занимался перепиской — размножением свитков, что Томас ему оставил. Стол его, как обычно, был зава-

лен писчей бумагой, книгами, заставлен чернильницами из плошек, пучками отточенных и свежечистенных гусиных перьев в высокой ступке. В келье, хотя и горели свечи, стоял сумрак, бросая широкие тени на голые выбеленные извѣсткой стены.

— Здоровеньки булы, Афанасий! — поприветствовал на этот раз по-украински Дмитрий своего дружка.

— Здравствуй, Дмитрий, — радостно ответил Афоня, оторвавшись от своего занятия.

Дмитрий устало присел на лавку и вытянул ноги.

— Помоги раздеться, устал невмочь, ноги не держат. Как ты тут без меня?

— Денно и ночью работаю, до тех пор сижу, пока глаза не устанут, пока в них темнеть не начинает. Чувствую, скоро отчаливать. Побольше успеть хочется, — ответил, поднимаясь из-за стола, Афоня.

Он подошел к другу и стал помогать стягивать кафтан.

— На свет хоть белый выползаешь, свежим воздухом дышишь? — устало спросил Дмитрий.

— Иногда, но редко, — кратко ответил Афоня. — Хочется успеть научиться хотя бы самому важному. Как у тебя дела? Вижу, продвигаются.

— Немного лучше, чем первый раз. Начали помогать мне паны по-настоящему, не все же Москвы боятся. Есть те, которые рады ей перца в одно место насыпать, но немало и тех, которые остерегаются. Главное, сам Сигизмунд начал над моими предложениями задумываться, — не без гордости сказал Дмитрий.

— Ты встречался с самим королѐм? — Афоня удивленно заглянул в лицо другу.

— Нет пока. Но думаю, что это не за горами. У меня уже есть свои люди в его свите. Я хотел о Московии переговорить с тобой, Афоня. Из Москвы поступают худые вести. Худые-то они с одной стороны, а что касаето нас, то как поглядеть, — подмигнул Дмитрий. — Страшный голод идѣт по стране, охватил почти все города и веси. Единственно, средняя Волга, Казань держится, да Урал под Строгановыми, они — с урожаем. У остальных — голодомор.

Афанасий погрустнел и весь напрягся, вспомнив свои думы о родных.

— Я уже слышан. Приезжал Лесли, рассказал.

— Да ты что?! — не сдержался Дмитрий. — Ну и что он говорил?

— Страшное поведал. Люди звереют, сходят с ума, гибнут тысячами. Родители съедают детей. Дети убивают родителей. Едят траву-лебеду, собственный кал. За что, за какие грехи наказывает Россию Господь? — в голосе Афанасия звучала боль, которую ничем не унять.

— Не знаю, Афоня, не знаю. Сейчас лето, а что станет зимой, когда даже лесных даров, да той же крапивы, другой зелени не будет... — начал было Дмитрий, но Афанасий переменял тему, боясь и представить такое.

— Скажи лучше, что в Польше говорят о нашем царе, Годунов что-нибудь предпринимает? Проснулся?

— Я сколько раз тебе говорил — не называй его царѐм! — мигом вспыхнул Дмитрий и даже раскраснелся. — Самозванец он, хитростью и подлостью завоевал трон! Не может цареубийца царѐм числиться. Преступник он! — закричал в бешенстве Дмитрий, но опомнился — не на того «полкана» спустил, через минуту остыл и уже спокойно, без крика поведал: — При таком людском горе что он, этот низкородный потомок татарского мурзы, делает! Он пиры на весь мир закатывает. Недавно выкинул, устроил такую штуку — пир для войска, ты только представь — на полмиллиона человек. Пили шесть недель кряду. Даже при Иоанне Грозном, который как никто из царей любил устраивать празднества, таких пиров не закатывали. А этот при разрухе и голоде устроил такое. В голове не укладывается. Вино черпали бадьями, ковшами, представляешь, из золотых, серебряных бочек, хмельной мѣд из таких же тазов. Персидский шах Аббас, присутствовавший на пиру, известный жестоким отношением к своему народу, и тот удивлялся — народ, мол, у него мрѣт тысячами, миллионами, а царь пьянку на весь мир закатывает. Но, испробовав русского вина, заказал для себя пару винокурных заводиков. Бориска нет что бы запросить за это денег, муки — на восстановление страны, отдаѣт заводы бесплатно. Но Бог видит, не дал свершиться безумию. Затонули заводы по пути в Персию. Преступник он, повторяю, и цареубийца! — Дмитрий в гневе негромко ударил кулаком по столу.

— Ты-то цел, — брякнул невпопад Афанасий.

— Потому что не дали. Других наследников — всех в могилу свёл. Сейчас денежными своими подачками только усугубил и без того катастрофическое положение. Помог иудам наживаться на этом. Те же Строгановы поставляют хлеб в Москву по таким бешеным ценам, что никаких денег, даже мешками раздаваемых Бориской, не хватает. Богатеют на людском горе, сволочи. Ничего, ничего! Сяду на Москву, прижму им хвост, — не на шутку разошелся Дмитрий. — Ладно о них. Возьми-ка у меня из сумы бумаги.

— Так они же чистые! — удивился Афанасий, развернув завёрнутые в холстину листы.

— Ты что хотел! Писать будешь. Сейчас я приведу себя в порядок, умоюсь, перекушу с дороги, и приступим.

Афоня сел за стол, выбрал перо получше и вопросительно поглядел на Дмитрия:

— Что писать?

— Пиши указ. О том, что я сын государя Иоанна Васильевича кланяюсь... — ответил Дмитрий и задумался, почесал затылок. — Сейчас сложится... Впрочем, я додумаю и сам напишу. Тебе в дорогу собираться с письмами в Сечь. Отсюда до неё не так далеко. В Сечи письма передашь, кому скажут князья Острожские, а казакам на словах объяснишь, кто я есть, чего хочу. Если встанут за нас, пообещаешь волю. Старого вояку Копыто помнишь? Мы с тобой его отпевали. Его сыны знают дорогу — тебе подскажут.

— Помню, как не помнить... — неуверенно ответил Афоня безрадостно.

А Дмитрий продолжал:

— Копыто в своё время слыл там лихим казаком и боевым атаманом. И вообще, отношение к роду Копыто на Сечи, на Кубани, Дону очень уважительное. Я об этом почему говорю, что твёрдо знаю — мне без помощи казаков трон не завоевать. Поляки дадут войско, но на его содержание нужны деньги, и хорошие. Я больших поручительств, а следовательно, и денег не добыл, значит, и помощь будет хилая, а казаки сами прокормятся, им не привыкать. Им только не препятствуй. Если и чего взамен потребуют, так всё волюшкой окупится.

Афоня прикинул в уме:

— С Москвы что возьмёшь сейчас, сам же сказал, голод, разруха...

— Я же не говорю, что мы завтра в поход выхо-

дим, — гнул своё Дмитрий. — Сначала надо собрать все силы в один кулак, побольше найти сторонников, а уж потом, благословясь, жажнуть.

Афоня оглядел свои пожитки, думая, что брать с собой.

— Когда мне прикажешь выезжать? — спросил он.

— Завтра с утра и поедешь, сначала в Киев к Острожскому. Письма к тому времени будут готовы. Острожский даст серебра на поездку и для дела. Он обещал. Даст в провожатые сына Копыто Миколу и казачков в сопровождение. Переоденься в кафтан цивильный, богатый, чтоб товар лицом...

— Не лучше ли в рясе? — засомневался Афоня. — Я думаю, лучше и правильной. В ней больше веры. Расскажу казакам всё про тебя, как ты едва жив остался, как от смерти, подготовленной Годуновым, спасся, как, будучи нищим сиротой, натерпелся, как лихо тебе было, как преследовали, точно зверя, как мы еле ноги унесли из России в Киев, к Острожскому под крыло...

Дмитрий замахал руками:

— Не надо! Я думаю, не надо всё рассказывать, есть такое, что и утаить не грех, только на пользу пойдёт. Главное, посея зёрна о моём воскресении, а то ведь им головы забили, что я мёртв. Говори просто, чтоб поверили, а я урожай казацкими саблями жать начну. Убеждай тонко, пылко, не жалей красных слов, нажимай на чувства, чтоб проняло до глубины души. Слово много значит, посеянное в благодатную почву — прорастёт обязательно.

Афанасий глубоко задумался. Что он знал о казаках, об их образе жизни? Мало, очень мало, разве что со слов Еремея, их учителя. Так же мало соприкасался с ними, не жил рядом. Самые яркие впечатления остались от казака Кочубея, что увёз их с Дмитрием из Углича в сиротскую жизнь, оторвав от отца с матерью. Хотя и неплохой оказался казак Кочубей, но всё равно ни дна ему, ни покрышки за это. Знал он от того же Кочубея, что казаки живут в основном разбойной жизнью, что люди они вольные, что большинство не имеет своего двора, своего хозяйства. Есть среди них такие, которые бежали из неволи с туретчины, от татар, некоторые — от панов, помещиков, некоторые скрывались в Сечи от наказания за разбой, за убийства. Было много та-

ких, которые потеряли семьи от набегов татей и врагов. Было и немало таких, кому скакун, сабля остра и вольный ветер дороже жизни. В общем, люди разношёрстные, оторви и брось люди, говорящие больше на русском языке, веру предпочитающие православную.

Взяв письма Дмитрия, Афанасий на следующий же день выехал в Киев к Острожскому. Здесь неожиданно встретился с тем, с кем попрощался навсегда, но с кем успел сродниться — с путешественником Томасом Лесли.

— Афанасий, ты ли это? — увидев Тучкова, въезжающего во двор князя, закричал по-русски шотландец.

— Я, конечно, я, — ответил по-английски обрадованный Тучков.

Он соскочил с лошади и крепко обнял Томаса.

— Надолго ли сюда?

— Завтра снова в путь-дорогу.

Друзья сговорились вечером встретиться за кружкой крепкой медовухи в гостевой палате.

Афанасий хотел было спешиться, но подоспел сопровождавший его казак Миколо Копыто, он попрердержал коня, буркнув коротко: «Не надо».

— Едем, что ли? Куда, зачем? — недоуменно спросил Афанасий

— Ко мне в хату, монахи. Князь приказал, — сухо ответил казак и направил своего коня со двора.

Афанасий не стал перечить, молча последовал за ним.

Не успели они привязать лошадей и зайти в дом Миколы Копыто, как Афанасий опять неожиданно для себя предстал перед Янушем Острожским, братом князя. Везло Афоне сегодня на неожиданные встречи. Януш пребывал в горнице, сидел за столом в одной сорочке, кафтан вместе с саблей лежал рядом, на лавке. Он что-то быстро писал на большом листе бумаги, рядом стоял Казимир и подсыпал песку на бумагу.

Князь поднял голову и уставился на Афанасия по-змеиному — немигающим взглядом. Афоня, не ожидавший такого приёма, онемел, робко поклонился и застыл на месте, стараясь стряхнуть оцепенение и привести себя в чувство. Он раньше видел Януша, но даже не беседовал с ним ни разу.

— Подь сюда, монахи, — начал хамовато, не церемонясь, как с подчинённым, князь.

Афанасий не стал лезть на рожон и молча повиновался.

— Где твой господин? Дмитрий где? — бесцеремонно допрашивал он.

— Уехал по делам, — не стал распространяться Афоня, силясь держаться предельно спокойно.

— Интересно, что за дела у него?

— Мне не докладывают, — безразлично пожал плечами Тучков.

— Ладно, не о нём сейчас речь. О тебе. Тебе надо немедленно, завтра же отбыть в Сечь, — приказал князь. — Там встретишься с гетманом Хлопко, передашь ему моё письмо. Читать умеешь?

Афоня держал себя в руках, лишь ответил:

— Обижаете, князь, монахи — народ учёный!

— Не вздумай вскрыть, — князь погрозил ему пальцем. — Сразу узнаем, оно опечатано. Головы лишишься. Понял? — угрожающе рявкнул он.

Афанасий, видя, что Януш не потерпит возражений, не стал на грубость отвечать грубостью, благоразумно промолчал. Януш запечатал письмо восковой печатью с помощью поданной Казимиром свечи и протянул его Тучкову, с интересом рассматривающего высородного пана.

— Спрячь подальше, в нём твоя судьба, монахи, — проговорил он многозначительно, повернулся к Казимиру и повелительным тоном приказал: — Принеси денег, выдай ему золотом пятьсот флоринов и серебра двадцать талеров. Хлопко отдашь только письмо, флорины и письмо — атаману Кобылкину, серебро — тебе и Копыто на дорогу. Атаману на словах скажешь, что я ничего не забыл, оставшуюся часть он получит, когда со своими хлопцами прибудет в Киев. Ничего не упустишь?

— Как можно, князь. Всё передам, — склонил голову Афоня.

— Смотри! Если что, головы не сносить! Ступай! — Януш указал на дверь.

Вечером, как и договаривались, Афоня встретился с Лесли. Разговор зашёл о поездке в Сечь к казакам.

— Слово «казаки» пришло, по-моему, из Индии. Я слышал, казаками в той стране зовут конных разбойников, — поведал о казаках по просьбе Афони Томас после распитого жбана медовухи. — В Турции же это слово обозначает бродягу,

вора. В Крыму это имя носят полукочевые татары, занимающиеся разведением скота, и, как у них водится, опустошают окраины России. Грабят, захватывают людей, потом продают их евреям в Кафку. Позже так стали называть славяне свои шайки, банды, занимающиеся преступным промыслом. Но я встречал и тех, что служат верой и правдой царю, хлеб выращивают. Среди них есть осёдлые, есть кочующие, большинство — бобыли. Есть такие, которые не подчиняются никому, только ветру вольному, атаману своему и кругу казацкому. Я так понимаю, ты едешь именно к ним, в Дикое поле, в Сечь?

— Точно, к запорожцам, — кивнул захмелевший было Афоня.

— Там весь сброд, есть русские, поляки, чехи, меньше немцев, жмудинов — литовцев и сербов. Запомни, всяк встречный для казака — добыча. Остерегайся. В большинстве своём они христиане, другой веры не признают. В Сечь с другой верой не берут и относятся к таким враждебно. Нет креста на гайтане — значит, недруг. Очень боятся их персы, татары, турки, ну и прочие мусульмане, евреи.

Томас Лесли поведал, что польские магнаты издревле привечали казаков. Разорившиеся, обедневшие шляхтичи не гнушались сами служить в Сечи, с удовольствием шли в казаки. Поучаствовать в набегах, разжиться на дармовщину каждому хочется. Били, грабили всех подряд, лишь бы у жертвы товар либо деньги были. Англичанин рассказал, что главный стан запорожцев — на невеликом острове Хортица на Днепре, а называют его по-разному: Сечь, Кошь, Дикое поле. С острова на материк, оказывается, ходят на судах, называемых «чайка». Очень удобное средство, на нём можно разместить до шестидесяти человек, и строится такое судно быстро, всего-то за пять-шесть недель. На постройку используют в основном липу. На судне два руля, спереди и сзади, шестьдесят пар вёсел, что даёт судну большую маневренность и быстрый ход, гораздо быстрее, чем у военных турецких галер.

— Вот, собственно, и всё, что я знаю о казаках, — закончил свой рассказ англичанин. — Вот ещё что, чуть не забыл: обязательно возьми с собой Библию. Быстрее уверуют, что ты истинный православный, больше надежды, что не обидят.

— Не беспокойся, они меня не тронут, я под защитой Миколы Копыто, — успокоил Афоня своего друга.

— А-а, — протянул Лесли, глотнув из кружки медовухи, — знаю Миколу — достойный воин. С ним будет спокойней. Его отец был атаманом в Сечи, имел немалый вес. Мне хочется дождаться твоего возвращения, послушать, как сейчас живут разбойники, чем дышат, как тебя приняли.

Скоро друзья расстались, тепло распрощавшись.

До самой Хортицы — островного разбойничьего гнезда, из которого в своё время выпорхнул Дмитрий Вишневецкий при покровительстве Иоанна Грозного, Афанасий не доехал. Отряд казаков под предводительством Янко Кобылкина встретился им сразу за днепровскими порогами. Здесь, в лесах, богатых зверем, птицей, казаки охотились, готовили запасы к предстоящей зиме. Этот год для них оказался неудачным, пошли на Крым, но в устье Днепра натолкнулись на засаду — на турецкие хорошо вооружённые галеры, понесли жестокий урон и спешно бежали, рассредоточившись по камышовым плавням. Собрать побитое войско оказалось непросто. На восстановление его ушло немало времени, о всяких других походах не было и речи, пришлось отложить их на следующее лето. Шибко об этом разбойники не тужили, поскольку учены были — в загашниках на чёрный день у них всегда брэнчало серебро, а у многих и золотишко.

Прибрежные дубовые леса славились большим количеством дикого зверя, особенно кабана, оленя, лося. На них казаки и охотились. Пернатую дичь не стреляли — косачи, глухари, рябчики сами лезли в петли.

Встретили гостей неласково — взяли в кольцо и нагайками заставили спешиться, но узнали Копыто, извинились, устроили радушный приём. На Афанасия в монашеской рясе сначала поглядывали косо, но Библия и компанейский характер сделали своё дело — попривыкли, приняли в свой круг. Некоторые даже подходили поговорить, посоветоваться о трудноразрешимых личных и религиозных делах.

Жили казаки непритязательно, в стане находилось с два десятка куреней, представляющих собой низкие, вросшие в землю срубы, сложенные

из толстостенных дубовых брёвен. В каждом курене посредине — очаг из камней, обмазанных глиной, на котором готовили пищу зимой и в непогоду летом. Возле очага собирались вечерами потолковать, попить горилки или вина, попеть протяжных, берущих за сердце песен, поиграть в карты на серебро. Куреня предназначались не для семейной жизни, а для общего проживания казаков. Казаку независимо от положения в отряде выделялось одно небольшое место на глинобитном полу, застеленном соломой или сеном.

В стан прибыли поздно, пожилой казак провёл Афоню и Копыто в курень, указал места в правом углу и, ухмыльнувшись, сказал:

— Здесь вам, хлопцы, почивать. Три аршина в длину, один в ширину — каждому. Котомку и седло — в голову, шашку — под бок заместо жены. Тебе, монах, тяжелее, у тебя и сабельки-то нет — греть некому.

— У него не только сабли, у него и жены нет — монах же, — улыбнулся первый раз за дорогу Копыто, который, встретив старых друзей, приободрился.

— Не мало ли места для одного? — усомнился Афоня. — Я видел у вас детины больше сажени есть и в ширину что бочка.

— Мало? Ну, ты даёшь, монах! Когда помрёшь, без меры выделяют, а тут курень — в тесноте, да не в обиде, — успокоил старый казак и убрался восвояси.

Афанасий бросил на сено перемётную суму, пристроил в головах седло. Покрутил головой, ощупал взглядом курень, ища надёжное место для сумы, в которой лежали мошна с флоринами, письма к гетману и атаману.

Микола уловил его взгляд, усмехнулся, pokrutil длинный чёрный ус.

— Не бойся, здесь никто не возьмёт. С этим зело как строго. За воровство без суда сразу в бочку с кипячёной смолой, — известил он и хохотнул в ус.

— Как без суда?! — воскликнул поражённый жестокостью Афанасий. — Может, не он украл!

— Чего цацкаться? — посуровел Микола и строго добавил. — Пасюков сразу топить надо или в смоле варить, чтоб не успели расплодиться. Ты, вижу, устал с дороги, не думай ни о чём, отдыхай пока. Атаман появится позже, ближе к ночи, а может, вообще завтра.

С атаманом Янко Кобылкиным не должно было возникнуть непонимания, он был давним соратником Миколы Копыто. Высокий, жилистый, слегка грузноватый, суровый, даже диковатый на вид, он заслуженно пользовался уважением казаков, был невысокомерен и прост в общении. Последние десять лет Кобылкин при поддержке Острожского не единожды водил своих ребят на ратные и разбойные дела, участвовал в восстании казаков под руководством Наливайко, имел много побед, и били его не единожды, но благополучно избегал смертной участи, выходил сухим из воды. Везунчиком слыл. За что и любили его казаки — везло с везунчиком-то.

С недавнего времени он присоединился к гетману Хлопко и разгуливал, наводил шорох как в родной степи, так и в чужих землях. Пользовался доверием своих товарищей, имел первое слово. Со слов Копыто Тучков знал, что за видимым спокойствием Кобылкина, его приветливой улыбкой скрывается очень жёсткий и дерзкий человек.

Не успел Афанасий прилечь, как тут же появился тот же старый казак и коротко бросил:

— Тебя к атаману, монах.

Афанасий без рассуждений быстро поднялся, прихватил суму и двинулся за старым казаком.

— Ты от Константина прибыл? — сразу в лоб, даже не поприветствовав, начал допытываться Янко Кобылкин.

— самого магната я не видел, меня направлял к вам его брат Януш — краковский кастелян.

— Весьма умный шляхтич. У него жена очень красива, правда ли это или болтают? — непонятно зачем увёл в сторону разговор Кобылкин.

— Что есть, то есть — недурна панночка, — без эмоций подтвердил Афоня. — Я видел её всего один раз, полгода назад на пиру в Остроге. Так что, может, и ошибаюсь. Я-то не за этим сюда... Мне велено письма передать, вот они, — достал он свернутые листы из-за пазухи. — Одно — от Януша Острожского, другое — от Дмитрия-царевича, сына Иоанна Грозного.

— От Дмитрия? Разве он жив? — удивился неподдельно Кобылкин. — Люди брехали, что зарезали его подручные Годунова. Впрочем, другие говорили, что спасся. Кому верить, сам чёрт не разберёт.

— Жив, жив, спас его дядька Нагой, — успокоил Афоня, — подставного убили, сейчас Дмитрий собирает войско в Польше, на Украине, чтоб трон Московский, незаконно занятый, освободить. На вашу подмогу очень рассчитывает. В письме всё должно быть сказано. За поддержку Дмитрий обещает вам волю и никаких подазей, поборов, притеснений, — добавил Афоня от себя. — Вот ещё флорины, тоже вам. Здесь ровно пятьсот от Острожского.

— Что на словах передал мне Януш? — спросил Кобылкин, прочитав письма. Небрежно, не считая, он бросил мешочек с флоринами на стол и уже с нескрываемым уважением посмотрел на Афанасия.

— Сказал, что всё обещанное выполнит позже, как только явитесь перед его светлые очи в Киев.

— Ясно, — коротко бросил он Афоне. — Пока отдыхайте, потом видно будет, что с вами делать.

— Нам отдыхать некогда, нам Хлопко нужен. Ему тоже есть что сказать, что передать.

— А я что говорю: отдохнёте и на Дон. — Кобылкин перебирал письма, попутно что-то обдумывая.

— Зачем нам Дон, нам Сечь нужна, — стоял на своем Афоня, стараясь говорить твердо, но уважительно.

— Дам казаков для охраны, и в путь, — продолжал гнуть своё Кобылкин, как будто не слышал слов Афанасия.

— Куда? В какой путь? Нам надо в Сечь! — чуть повысив голос, упёрся Афоня.

— Ну и скатертью дорожка, — безразлично ответил Кобылкин. — Только кого ты там найдёшь? Хлопко на Дону сейчас гуляет.

— Тогда конечно, — сдался наконец Афанасий, понимая, что дальше спорить себе во вред.

— Вижу, супротивный ты монах, — недобро, предостерегающе сверкнул глазом Кобылкин. — Смотри, нарвёшься на кого буйного, вмиг рога поотшибает. Я и то еле сдержался. Ты учитывай, с кем разговариваешь. Как-никак с атаманом казацкого войска, — задрал нос Янко.

— Если задел или обидел чем — ненароком. Видит Бог — не хотел, — спохватился Афоня. Не хватало ему ещё ссориться, не в его положении просителя было затевать свары.

— Вот это похвально, — взгляд Кобылкина стал миролюбивым, — хоть и монах, а умеешь,

видно, за себя постоять. Значит, повторяю: пока отдыхайте, охотьтесь. Твой проводник Копыто все уши мне прожужжал, кабана хочет завалить. Пусть попытает счастья, походит, поищет с нашими охотниками секача покрупнее, поярее. Попробует взять на пику — пусть удаль проявит, а? Ты-то сам как?..

— Я не против, — пожал плечами Афоня. — Пусть попытается. Что касается меня, то мне быстрее дело сделать, а уж потом развлечения.

— Ничего, ничего, потерпи чуток, всё к лучшему, — успокоил Кобылкин и пояснил: — К Хлопко я вестовых послал, чтоб разрешение спросили вас принять. Вернутся с ответом — тогда и поедете.

И пошло, и поехало — почти каждый день Копыто, казаки звали на охоту Афанасия и уезжали в лес. Охотились с луками, пиками, рогатинами, ружья ещё только в Сечи появились, им не особо-то доверяли, считали ненадёжным оружием. Обычно кабана выгоняли на открытое место (поляну, лужайку), окружали и забивали стрелами, копьями. Однажды напали на огромного секача, который, несмотря на то что был в нескольких местах прошит стрелами, кинулся на лошадь Копыто, вспорол ей живот, завалив наземь, и ринулся на казака. Его дружки-охотники не успели и рты раскрыть, как зверь одним прыжком оказался перед Миколой Копыто. Казак не растерялся, ошетинился копьём, сосредоточился, готовясь попасть секачу в глаз и, если удастся, пропороть его насквозь. Секач с налитыми кровью глазами, обнажив большие жёлтые клыки, бросился вперёд. Копыто ударил, попав в глаз, но копьё упёрлось в кость и дальше — внутрь не шло. Он, с трудом сдерживая напор зверюги, упёрся в круп лошади, покраснел от натуги, но не выдерживал, скользил вместе с лошадью назад, оставляя глубокий след пропаханной земли. Копыто, из последних сил сдерживая навал кабана, побледнел, глаза от напряжения вылезли из орбит, и, наверное, ожидая неминуемой смерти, попрощался с жизнью. На счастье подоспел Афоня, он тотчас спрыгнул с лошади, выхватил саблю и ударом двух сцеплённых в замок рук, которому научил его старый Ерёма, вогнал клинок под лопатку зверя, проколов его толстую, крепкую как броня, шкуру и сердце. Кабан постоял, по-

шатался чуток и вскоре рухнул всей своей огромной тушей так, что сотряслась рядом земля.

— Спасибо! — не сразу придя в себя, тихо, дрожащими губами проговорил казак. — Век не забуду. Теперь должник твой.

— Ладно, чего там! Любой бы так, — отговорился смущённый Тучков.

Кабана еле-еле вшестером забросили на круп лошади, тяжёл оказался зверь и мясист. В стан возвращались с крупной добычей, Копыто то сиял лицом, то хмурился, вероятно, снова и снова переживая минуты смертельной опасности. Вечером по случаю богатой добычи и охотничьего везения закатил шумный пир у кострища, который продлился с хвастливыми разговорами до полуночи. У подвыпивших товарищей разговор, как обычно, шёл о невероятных, небывалых случаях на охоте, на войне, о стычках, о сражениях. Как, где, кто и сколько зверей, врагов, татар, турков побил, заколол, проявив неимоверную храбрость, стойкость и удал. Разговоры переходили в споры о том, кто больше выказал сноровки, героизма. Ссорились, сшибались, но тут же, растащенные друзьями, мирились, запивали споры медовой, вином, горилкой, горланили песни, вспоминали погибших друзей, пили за них, плясали с криками, уханьем то краковьяк, то вообще не пойми что, вминая траву в землю каблуками сапог. Только далеко за полночь, когда забрезжил рассвет и на небе появились лучи ещё не взошедшего солнца, уgomонились, и то только после окриков атамана, и расползлись по куреням спать. Кто посвежее, крепче — уходили без слов и нареканий в дозор, на пересмену.

Как бы широко и лихо ни гуляла вольница, но дело своё знала. Казаки строго блюли дисциплину, вовремя уходили в дозоры, надёжно стерегли свой лагерь так, что и комар носа не просунет, не то что враг. Они постоянно совершали мелкие походы, набеги, устраивали игрища в самой Сечи, вели дружбу, вступали в сношения с тёмными, разбойными личностями. Нередко тайно наведывались к ним и знатные вельможи, о чём-то судачили с атаманом и скрытно, чаще ночью, уезжали.

Наконец, когда терпение у Афанасия лопнуло и он вознамерился потребовать ответа за поддержку у Хлопко, их, хорошо снарядив, отпра-

вили в путь. Афанасий с Копыто и приданные им шесть всадников с запасными лошадьми тронулись в путь — переправились по льду через Днепр и ушли на восток в сторону Дона.

До Дону долго добирались. Приходилось отвлекаться, то отбиваться от степняков, то сами казаки устремлялись преследовать, как им казалось, богатую добычу. Прибыли только зимой, в дикий холод. Сильный порывистый ветер дул в спину, пробирал до костей. Хорошо — Копыто додумался взять с собой зимнюю одежду: полушубки, валенки, а то бы отдали богу душу, так бы не добрались до цели.

На Дону в стане атамана Семёна Снитко встретились с гетманом Хлопко, который уже не одну неделю уговаривал Снитко на совместный поход следующим летом в Туретчину. Гетман принял Афоню в своём походном шатре вполне радушно. Для разговора пригласил в шатёр уважаемых, именитых казаков. Слух о том, что приехал посольный царевича Дмитрия, обогнал приезжих, и в шатёр набилось столько народу, что яблоку негде упасть. Сидели кто на лавках, поставленных плотно друг за дружкой, кто на корточках, кто познатней, вероятно, вожаки и есаулы, — за столом, рядом с пылающим очагом. Замёрзший с дороги Афанасий на правах гостя придвинулся ближе к очагу, протянул для сугрева руки и только после того, как пальцы отошли и начали сгибаться, передал гетману письма, коротко сказав, от кого они. Гетман, внимательно осмотрев целостность печати, вскрыл послания одно за другим и углубился в чтение. Афанасий напряжённо застыл у очага, ожидая реакции Хлопко, с надеждой глядя на его непроницаемое, не выражающее никаких эмоций лицо. Последним гетман прочитал письмо Януша Острожского и сразу стал приветливее, уголки губ слегка поползли вверх и в стороны, выражая некоторое подобие улыбки.

— Садись, монах, за стол. Что вынули с печи — в рот мечи. Оголодал с дороги-то, поди? Ну-ка, хлопцы, сдвиньтесь, дайте место послу. Садись и ты Копыто, чего остолбенел, чай не бедный родственник.

— Благодарю за честь, господин гетман, — проговорил Афанасий. Сбросил с себя шубу, кинул её на стожок верхней одежды гостей гетмана, присел к столу, подвинул к себе се-

ребряный поднос, отломил кусок хлеба, взял говяжий мосол и набил соскучившийся по еде рот жирным мясом. Копыто примостился рядом и первым делом наполнил кубки себе и Афанасию, поднял свой и, без приглашения поддержать, осушил его, только после этого навалился на еду.

— Давно ли, уважаемые послы, покинули Киев? — начал издалека и вполне по-светски гетман.

— Порядочно, уже зима, а мы летом из Киева выехали, — не скрывая недовольства, ответил Афоня.

— Как здоровье старого князя? — сделал вид, что не заметил ворчания монаха гетман, но лёгкое недовольство затаил.

— Слава богу, находится в полном здравии, — ответил Афоня, беря еще ломоть хлеба.

— Дмитрий, царевич, просит в письме о помощи, — подошел к делу гетман. — Сиё нам лестно, узнать бы сперва, каков он сам из себя? Поведай, людям интересно, — обвёл он рукой собравшихся. — Похож ли на Грозного? Не лже ли Дмитрий, не хлюпик, не брехун ли? Может, и не стоит из-за него огород городить?

— Не хлюпик, не обманщик. О чём вы?! — в голосе Афанасия послышались нотки возмущения. — Вылитый отец и статью, и характером. В него, Иоанна Грозного, покладистей если только, не так горяч, не рубит сплеча. Слово данное крепко держит. Что ещё: грамотен, много языков знает, за народ простой — горой, переживает крепко. Сейчас вот голодает народ, он шибко расстраивается, что ничем не может помочь. Вам вот волю, сказал, даст. На лицо пригож. Что ещё...

— Красоту его ты для девиц оставь, — перебил гетман, — а нам знать надобно, крепок ли характером, сдюжит ли в таком деле, как царство на Руси?

Афанасий твердо успокоил:

— Крепок, смел, силён — это от него не отнимешь. Подковы гнёт. Без седла может день на лошади скакать, от трех сабель только так отобьётся.

— Ой ли! Подковы гнёт, саблей от троих... Не врешь, монах? — нарочно подзадорил молодого посла гетман, будучи уверенным, что заликает посла. Для красного словца говорит, дабы своего повелителя возвеличить!

— Я вру?! — снова возмутился Афанасий. — Хотите — я согну? Принеси со двора подкову, Копыто, — не дождавшись ответа, живо среагировал Тучков. — Я покажу им, как он это делает. Если бы я не гнул, как он, то царевич меня близко бы к себе не подпустил.

Копыто на охоте успел убедиться в непомерной силе рук Афанасия, потому с готовностью вышел.

— Где так монахи брехать наловчились, не скажешь? Не в монастыре ли? — продолжал злить Афанасия гетман, мстить за проявленное нетерпение.

— С детства не брешу, брешут собаки да люди, на похвальбу падкие. Я за слова отвечать привык, — сердито отчеканил Афанасий.

— Горяч ты, однако, монах! — повернулся Хлопко к казакам, внимательно и с усмешками наблюдавшим за спором, и подмигнул им, сейчас, мол, увидите, как опозорится монах.

Копыто вскоре вернулся, отряхнул с сапог снег, протянул Афанасию заиндевевшую с мороза подкову:

— Держи, Афоня, покажи им, кто тут пустобрёх.

Тучков слегка размял пальцы, взял подкову, посмотрел в напряжённо внимательные лица собравшихся, напрягся, вогнав все силы в ладони рук, и с усилием разогнул подкову. Вышел из-за стола и с достоинством подал её гетману, коротко бросив:

— Дмитрий без усилий такие гнёт. Не только сгибает, но и разгибает.

Гетман сдержал вздох удивления, повертел подкову в руках, с интересом рассматривая, и передал её на стол для удовлетворения любопытства казаков.

— Что же, молодец, гарный хлопче, могёшь железяки гнуть, — признал гетман. — Только этим на Руси никого не удивишь, в каждой боевой ватаге такой найдётся. А вот умеет ли твой хозяин боем руководить, сам, если туго придётся, сражаться, саморучно отпор дать? Коль кашу заваривает, то этим делом ой как надо хорошо владеть, — покачал головой он.

— Да я с ним с малых лет, из одной чашки толлокно хлебал! — тут же отозвался Тучков. — Нас вместе воинскому делу учили. Полководец он каких поискать! А саблей, пикой владеет гораздо лучше меня.

— Тебя?! Хм-м-м... А ты что, сражаться умеешь? — с удивлением поднял бровь гетман. — Правду говоришь?.. Монах, и оружие держать может — хоть убейся, а не верится.

Афоня гордо расправил плечи и приосанился:

— Эка невидаль, Ослябя и Пересвет на Куликовом поле татар только так били, и не голыми руками.

— Видишь, куда махнул. То Ослябя и Пересвет, а ты простой монах. Может, покажешь, как ты саблюкой владеешь? Ха-ха, может, урёшь нос нашим казачкам, а? Василько! — гаркнул гетман. — Ты где? — искал он глазами боевитого казака.

Василько встал из-за стола, отирая рукавом кафтана длинные висающие усы, и, поправляя смоляную чёлку на совершенно голом, как яйцо, черепе, прощамкал:

— Слуш-ш, пан гет-тма, — набитым ртом с трудом ответил он.

— Дай монаху саблю да проверь, умеет ли он, как хвалится, в руках её держать, — сказал и зашёлся от своих мыслей залиvistым смехом. — Да присмотри за ним, чтоб не порезался. Она же точёная. Ха-ха, — и снова подмигнул друзьям-товарищам. Казаки дружно прыснули, потирая руки, в ожидании потешного представления.

Афанасий понимал, что казаки, уверенные в победе своего хлопца, над ним потешаются. Понимал и другое, что они не собираются его убивать, казакам скучно, не хватает им развлечения, а тут случай представился над монахом посмеяться, потешиться. Потому особо не обиделся, ответил на шутку шуткой:

— Смотри, гетман, как бы твой воин без усов не остался. Что за казак без усов — баба!

— Ну-ну, поговори мне ещё, — погрозил пальцем гетман. — Распетушился! Не только без волос, без башки останешься. Айда, хлопцы, на улицу. Чего здесь тесниться!

Не успел Афоня толком отогреть руки, как его, не дав одеться, оттащили от очага и вытеснили, подталкивая и подмигивая, на улицу. На дворе так же свирепо мела позёмка, холод пробирал до костей. Казаки, видимо по привычке, встали в круг, так что Афоня и Василько оказались в центре.

— Видишь! — крикнул Василько. — Одной дли-

ны, — и поднял обе вынесенные из шатра сабли над головой, наложил их друг на друга, сверкнул озорно глазами, прокричал, перекрывая выюгу. — Тебе которую? Левую или правую?

— Давай любую! — крикнул в свою очередь Афанасий. — Слушай, брат Василько, может, оставим, нам чего делить? Подумай, Василько, — притворно жалобным голосом проговорил Афанасий. Знал он, что стоит противнику внушить жалость к себе, убедить, что перед ним слабак, неумеха, как тот забудет про осторожность, про защиту, полезет напролом.

— Что, поджилки затряслись? — усмехнулся казак. — Не бойсь, монах, я тебя в капусту рубить не буду. Ха-ха! Маленько укорочу только, чтоб много не болтал. Выбирай, откуда тебя срубить: снизу, сверху? Ха-ха! — залился Василько уничтожительным смехом.

Его шутку поняли, казаки, дружно оскалив зубы, залиvistо, оглушительно заржали так, что присели неподалёку стоявшие лошади.

Василько сделал шаг назад, залихватски выхватил саблю из ножен, ножны отбросил не глядя под ноги переминающимся на морозе казачкам и изготовился. Афанасий обнажил саблю, ножны уронил в снег и тоже принял боевую стойку. От куреней к ним в круг спешили казачки-зеваки, всем хотелось поглазеть на представление, на бой местного казака с послем самого царевича Дмитрия. Круг пополнился, разросся, передним огромных усилий стоило его сдерживать — всем хотелось подойти поближе, поглядеть на рыцарский поединок.

Афанасий, будучи на постое у князя Острожского, не забывал про боевые упражнения, в свободное от чтения время упорно тренировался, повторял уроки, данные наставником Ерёмой. Его занятия частенько поддерживал Лесли, который мастерски владел любым видом оружия, особенно саблей — жизнь научила, не раз приходилось отбиваться от пиратов. От Лесли Афанасий тоже много чего взял.

— Начали! Сходитесь! — крикнул Хлопко и хлопнул звучно ладонями.

Афанасий остался стоять на месте, лишь крутанул в воздухе саблей, чтоб почувствовать её вес и центровку. Сабля оказалась что надо, хорошо пришлась к руке. Василько же, заглотив наживку о ничтожности противника, без оглядки бросил-

ся вперёд, думая одним махом уложить сосунка-монаха. Афанасий легко отбил его выпады, сам сделал несколько уколов, чтоб прощупать казака.

Обступившие бойцов казаки не дремали, криками и свистом, улюлюканьем подзадоривали, подбадривали противников.

— Давай, монах! Руби, монах! Дай казаку перца! — кричали зрители, особенно старались Микола Копыто и его друзья.

— Давай, Василько! Жми, Василько! Порви чернецу рясу! Порежь на куски! — кричали те, кто был за Василько, особенно приближённые гетмана.

— Не подрезай его, Василько, не укорачивай, долбани плашмя по голове, — кричали сердобольные. — Не задирался чтоб, на казака саблём не поднимал.

Василько после первых неудач ощерился, оскалил зубы, пытаясь испугать Афанасия зверской мордой, и ужесточил нападки, ускоряя ход сабли до того, что её не видно — слышно было одно только вжиканье. Она так свирепо пела и свистела около Афанасия, что впору бежать, сверкая пятками. Афанасий же, наоборот, приосанился, опасность его не ослабила, а по-хорошему заводила, злила и настраивала на бой. Он увлёкся, напрочь забыв обо всём, максимально сосредоточился, совершая внезапные финты, ловкие уклоны от сабельного жала.

Гетман, не ожидавший подобного от монаха, застыл на месте как изваяние, не кричал, не подбадривал своего казака, а, прищурясь, наблюдал за Афанасием и думал, откуда взялся такой прыткий, с блеском обученный сражаться монах. Опытного в сабельном бою воина обмануть же невозможно, по первым ответным ударам и выпадам Афанасия он определил в нём опытного, искусного бойца.

Василько после усердного возлияния в шатре быстро вспотел, да так, что пот лился по лицу рекой, попадал в глаза, мешая бою, дыхание отяжелело, стало прерывистым, рука тоже подустала, сабля летала уже не так стремительно и быстро. На лице же молодого чернеца не имелось даже испарины, дыхание оставалось ровным и спокойным, сабля как ходила, так и ходила: без огрехов, без сбоев.

— Давно знаешь его? — кивнул гетман на монаха, обращаясь к Копыто.

— Два года, мабуть, боле.

— Где он так наловчился лихо сражаться?

— Чёрт их, монахов, знает! — резко бросил Копыто. — Я второй раз его в деле вижу. Он кабана с толстой шкурой саблей запросто проколол. Сабля как в масло вошла.

— Ты посмотри на него, что делает, что творит! — в волнении выкрикнул, не сдержавшись, гетман. — Надо же!

Афоня просто перехватил инициативу у Василько и наседавал. Молниеносно сделал несколько обманных ударов, ловким ударом выбил саблю у Василько из рук, и та, описав дугу, зарылась в снег. Афанасий стремглав подвинулся вплотную к Василько и ударил локтём в грудь так крепко, что казак завалился в снег, задрав ноги. Потянулся было к рукоятке рядом лежащей сабли, но Афанасий наступил сапогом на кисть руки, вдавливая её в утопанный бойцами снег. Острые сабли упёр казаку под горло и со смехом посмотрел в лицо. Порывы ветра несли казаку в глаза хлопья снега, но, посрамлённый, он не замечал этого — от злости, стыда, слабости только рычал что-то непонятное себе под нос. Снежинки таяли на лице, припорошивая лихой чуб на бритой голове.

— Сдаёшься? — крикнул ему монах. — Ну! А не то заколю! — свирепо для потехи вытаращил глаза Афоня.

— Сдаюсь, — тихо проблеял Василько, поняв по металлическим ноткам в голосе, что с ним не шутят. — Отпусти, чего держишь, чёрт тебя дерит! Знал бы, что ты за монах, не связывался. Прикинулся мочалкой, чтоб тебя!..

— На, держи, — подал Василько выбитую саблю Афоня. — Не пристало казаку саблю в бою терять. Ну, кто ещё хочет руку монаха испробовать? Никто, то-то. Был бы здесь царевич, мы бы и от дюжины отбились.

— Довольно, — рявкнул пристыженный гетман. — Подурили, и будет, не то доведёшь их до кипения, не посмотрят, что царевича посол — изрубят. С кем мы тогда на Годунова пойдём?

Хоть и приказал гетман, но казаки не расходились, не унимались, им по душе была задиристость монаха, его неуступчивость и, что говорить, хотелось продолжения праздника, уж больно лих и умел оказался монах во владении их родным оружием — сабелюкой.

— Ай, молодец, монах! Ай, добр! — кричали, приветствовали они. — Покажи ещё что-нибудь.

— Кто у тебя учителем был? — спросил немного погодя гетман. — Ты саблю у Василько жмудским ударом выбил. Знаменитый удар — литовский. Его знают единицы, да и то только те, кто с ними не единожды схватывался. Так кто? — уже требовательно повторил вопрос Хлопко. — Не хочешь — не говори, — и повернулся к Василько. — А тебе стыдно не знать этот удар. Что с тобой говорить, какой ты казак, монаху проиграл, — и снова уставился вопросительно на Афанасия. — Так и не скажешь, кто твой учитель? Пойдём тогда в шатёр, там и договорим. Что тут на этом холоде сопли морозить!

— Тут никакой тайны нет, — спокойно ответил уже отдышавшийся от схватки Афоня. — Ерёмой звать его, в монастыре, что под Ярославлем, сторожем служит. Он всю свою жизнь в битвах провёл, Русь от турок, крымчаков, литовцев защищал. Он нас с Дмитрием и учил.

— Что ж, убедил ты меня, — значительно произнес гетман, огладив усы. — Своей победой заставил поверить, что царевич боец добрый, по крайней мере, не хуже своего слуги — монаха, а?

— Лучше, господин гетман, гораздо лучше! — с радостью отозвался Тучков.

— Верю, верю, монах. Тебя самого-то как звать?

— Афанасий Тучков, господин гетман, — представился тот. — Я, к сведению, схиму не принимал, хожу в послушниках.

— Вот как! — усмехнулся гетман. — Теперь понятно, почто так лихо саблём махал — в войны, а не в монахи готовишься. Что ж, вижу, что сабля, а не монашеский наряд тебе по чину. Брось его, переходи к нам. Огнём и мечом будешь веру утверждать. Хошь, монахом к нам иди. Монаху жена не положена, будешь с саблей заместо жены спать. Ха-ха! — рассмеялся гетман, довольный своим каламбуром. Запорожцам, видимо, шутка тоже пришлась по вкусу, они загоготали так, что дрогнул шатёр, в который дружно вслед за гетманом возвратились, чтоб вино некисло, чтоб продолжить веселье. Ржали так долго, что Афоня не смог удержаться и тоже рассмеялся от всей души. Один Василько кривил рот и кусал ус, который хоть и обещал ему Афоня отрубить, но пожалел, не срезал.

Почти два года по казачьим станам и ставкам бороздил Афанасий Тучков, всюду сеял правду о Дмитрие, вербовал в свои заступники казачью вольницу. Прошёл, считай, по всему Дону, заглянул на Кубань, побывал в междуречье Кумы и Маныча, откуда степями доехал до Астрахани. От Астрахани подался вверх по Волге, дошёл до Камы. Побывал на солёварнях Строгановых, получивших в своё время от Грозного право прибавлять к своему отчеству окончание «вич». Не сын, скажем, Михайлы, а знатно и веско «Михайлович».

Всюду он доводил до казаков и до прочего люда воззвание Дмитрия — идти на Московию, чтобы утвердить на престол законного наследника, а Бориску, душегуба татарского, басурмана ненавистного, скинуть с трона. Объехав, обскакав всё, что под копыта коней легло, что велено и не велено, вернулся в Киев.

Дмитрия в Киеве не было. Доложил князьям Острожским обо всём, что сделал, спросил про Дмитрия. Они сказали, что Дмитрий в Польше, собирает войско, его ждёт давно. И он, не раздумывая, не отдыхая, поскакал в Польшу.

3. Поход на Москву

Пока Афанасий созывал казаков, простой люд, чтобы идти на Московию, Дмитрий тоже зря времени не терял, объезжал шляхту, коронованных особ, гетманов, заручаясь их поддержкой. Побывал и надолго задержался он вместе с гетманом Вишневецким у сендомирского воеводы Юрия Мнишека. Юрий тепло принял их, сразу усадил за стол, закатив пир на весь мир. Родовитые паны много пили, ели, поднимали кубки за могучую, непобедимую Польшу, за Речь Посполитую. Дмитрия посадили на почётное место рядом с Мариной Мнишек. С Мариной Дмитрий накоротке до толе знакомился. Невысокий, сухощавый, со слегка рыжеватой шевелюрой, с лицом смуглым, не сказать, что красивым, но источающим львиную мощь и энергию, с крупным орлиным носом с широкими ноздрями, что свидетельствовало о мощных лёгких и неукротимой жизненной силе, о волевом неуступчивом характере, Дмитрий притягивал к себе женщин особ-

ливо породистых, знатных. Голубые, с двойным дном глаза, то участливые, приветливые, то пронизывающие насквозь, холодные, как льдинки, приковывали внимание к гостю, произвольно заставляли поклоняться.

Марина, о чём нетрудно догадаться, дочь воеводы Мнишека, прелестнейшее создание — красавица писаная, волосы как вороное крыло, чёрные, гладкие. Глаза тоже чёрные с блеском, как ягоды черёмухи, подчас тоже холодные, бросающие в отчаяние, подчас горячие, кидające в жар, озноб так, что можно, не сходя с места, влюбиться без памяти на всю оставшуюся жизнь.

Дмитрию, искущённому в любви, битому, не привыкать охмурять красавиц. Тут же сам только посмотрел, только окунулся в её глазамуты и пропал, влюбился по уши. Дмитрий хоть и не был красавцем, но чем-то брал женщин, и Марина-шляхтичка, гордячка не устояла, не скажешь, что пропала, втрескалась без ума, без памяти, но равнодушной не осталась, увлеклась царевичем.

Она с детства росла властным ребёнком, легко подчиняла окружающих. Марина себе ещё ребёнком дорогу наметила — стать властительницей, повелевать миром, ей мужчина нужен не как супруг, муж, по которому бы она страдала, сохла, мучилась, а который привёл бы её на престол к безграничной власти, к преклонению. Она спала и видела себя королевой, царицей, и не меньше.

Пока молодые люди переглядывались, думали, как ближе сойтись, поближе познакомиться, за столом продолжались чревоугодие и тоска, хвалебные речи в честь короля и Польши, знатных шляхтичей. Наконец все высказались, пришла очередь Дмитрия, и он не заставил себя ждать, взял слово:

— Когда Бог с помощью великого польского народа и его правителей поступит по справедливости и восстановит меня на родительский престол, я выведу Московское царство из варварства, поведу его к просвещению, цивилизации, могуществу. Польша и её суверены будут для меня примером и первыми наставниками. Пусть живут и процветают великая Речь Посполитая и Русь-матушка!

Марина такими словами вдохновилась. «Вот он — тот мужчина, о котором я мечтала так

долго. Он поведёт меня к власти, к престолу. И не важно, что я на троне буду вторая, я так окручу царевича, так поставлю дело, что буду единолично править и повелевать большой и великой страной, — думала меж тем она и строила планы. — Надо непременно завоевать его, покорить во что бы то ни стало».

Марина не привыкла откладывать задуманное на потом и с этого дня задействовала все свои чары, всё своё обаяние, свою неземную красоту, образованность и изощрённый, коварный ум. На следующий после приёма день в огромных владениях Мнишека, как и водится, устроили охоту на диких зверей. Затравили не одну свору собак и били из-под них волков, лис, зайцев — всё, что под руку попадёт. Дмитрий гарцевал тут же на коне, но не принимал участия в разудалых погонах и стрельбе по зверю, он был задумчив и отрешён.

Внезапно из чащи, преследуемый лайками, выскочил большой медведь, он разбросал по сторонам собак и кинулся на подвернувшегося Дмитрия. Беду заметили загонщики, и к царевичу на выручку поскакали конные с Вишневецким и Мнишеком во главе. Дмитрий не растерялся, не пустил лошадь наутёк, наоборот, твёрдой и властной рукой подтянул удила и направил коня на медведя. Конь оказался не робкого десятка, он не раз участвовал в сражениях, охотах, всхрапнул только, передёрнул недовольно крупом, но послушался хозяина. Медведь встал на дыбы и изготовился к прыжку. Царевич поднял двустольный пистолет, заряженный пулями, и прицелился. Медведь издал устрашающий рёв и прыгнул, Дмитрий тотчас же выстрелил и в прыжке достал зверя, но не убил, а только ранил. Раненый медведь не смог долететь до коня, приземлился рядом и, от боли заревев ещё оглушительней, пошёл, шатаясь, на обидчика. Дмитрий не стал дожидаться, пока косматый распорот брюхо коня и завалит его вместе с седоком на землю. Он соскочил с лошади, выхватил клинок, в один момент оказался рядом с хищником и, не мешкая, всадил саблю ему в грудь, под сердце. Хотел отскочить, но не успел и оказался подмятый зверем. Разъярённый донельзя зверь на последнем дыхании навалился всей массой на врага, грозясь раздавить обидчика. Давя Дмитрия, медведь тяжестью собственной туши

вдавил саблю так глубоко, что продырявил себя насквозь и тут же издох. Дмитрия, крепко помятого, провонявшего звериным духом, но неведимого, с трудом вытащили из-под туши. Пришлось лошадью с царевича мишку сдёргивать — тяжёл оказался хозяин леса. Воевода Мнишек утверждал, а он знал в медведях толк, что более сорока пудов будет.

Охоты, пиры у Мнишеков потянулись бесконечно, Дмитрию не терпелось, хотелось быстрее начать дело, и он взял в оборот хозяина. Мнишек, найдя в царевиче боевого хлопца, благоволил к нему и согласился помочь, устроить встречу с королём Польши Сигизмундом III. Заинтересованный в женитьбе дочери на царевиче, Мнишек хорошо постарался и вскоре добился аудиенции у короля.

Дмитрий был зван к королю Речи Посполитой буквально через неделю после прославившей его охоты. Он вместе с семьёй Мнишеков, с монсеньором Ронгони, близким ко двору итальянцем, четой Вишневецких прибыл в Краков. Перед этим долго перебирали, как предстать, во что одеться. Наконец после десятков, если не больше, примерок платьев, кафтанов, сапог оделись подобающе приёму у самого знатного лица. Сели в выездные, роскошные, специальные для таких случаев кареты и поехали в королевский дворец. Здесь их ждали, пропустили через сторожевые ворота, и они чопорно вошли в приёмную залу.

Сигизмунд, не оправдывая тревожные ожидания Дмитрия, встретил их как самых высоких гостей. Царевич тоже не ударил в грязь лицом, он для такого случая приготовил торжественную речь. Полный решимости, он, выдвинув вперёд крупную челюсть, только прикоснулся губами, но не поцеловал, как того хотел король, протянутую для лобызания руку. Сверкнув глазами, в которых одновременно присутствовали и горделивая прохладца, и душевная приязнь, твёрдым, властным голосом, которому нельзя было не внять, заговорил:

— Ваше королевское величество, я не кто иной, как наследник Московского престола, сын великого Иоанна Грозного, лишён злодеями трона, пришёл просить вашего покровительства и защиты от аспидов. На протяжении

длительного времени я вынужден скрываться и скитаться по белому свету как изгой. Вот уже больше десяти лет я прячусь как затравленный зверь, боюсь назваться тем, кто я в действительности есть, боюсь своего имени. Ваше величество, сделайте царский жест, помогите восстановить справедливость, освободить Московию от рук вора и расхитителя. И Бог возблагодарит вас. Народ мой стонет под ярмом и гнётом Бориса, ждёт законного, Богом помазанного наследника. Только вы можете помочь мне, только вам сие под силу. Помогите, Христом Богом прошу, — Дмитрий опустил-ся на колени и чуть склонил голову. — Дайте мне войско. Я войду с ним в пределы Московского государства, и ко мне сразу же пойдёт народ, меня поддержат все: и простолюдины, и бояре, и армия, все ждут не дожудтся законного царя. Я, ваше величество, не преувеличиваю, клянусь, что так и будет. Я родился царём, и мне грешно обещать невосполнимое. Я в порфире пеленался, из порфиры, прикрытый рубищем, выброшен на гноище, на задворки моего отечества. Где справедливость, ваше королевское величество?! — вопрошал, глядя в глаза Сигизмунду, Дмитрий. — Помогите восстановить её, я в долгу не останусь. Дам всё, что пожелаете, всё, что пожелает польский народ!

Сигизмунд многозначительно молчал, он сделал вид, что глубоко задумался, хотя сам уже решил, что поможет царевичу. Это в его интересах — ослабить когда-то могущественную, расположенную под боком державу. Он думал над тем, что потребовать взамен.

Так и не дождавшись от короля ни да ни нет, заручившись только дружеским участием, Дмитрий вышел из приёмного зала с опущенной головой, уголки губ его нервно подёргивались. Только через несколько недель король вновь соизволил пригласить Дмитрия к себе. Тогда, положив руку на плечо царевича, высокопарно заговорил:

— Мы, наше царское величество, в моём лице, первое, что делаем, признаём тебя наследником Московского государства. Берём тебя как изгнанника под покровительство и кладем на твои нужды сорок тысяч золотых. С сегодняшнего дня ты находишься под нашей опекой и защитой.

— Благодарю вас, ваше величество, за участие в моей судьбе и за оказанную милость. Я всё сполна возвращаю с королевской точностью. Дайте только срок, — ответил как можно вежливее Дмитрий, а про себя ругался. — Ни слова, дьявол тебя дери, о поддержке похода на Московию. Справляйся, мол, сам. Как сможешь. — А вслух с надеждой спросил: — А как же помощь войском, ваше величество?

— Будет тебе и войско. Подожди, не торопи, дай разобраться с немцами. Утихомирим их и тебе поможем.

Окрылённый выходил Дмитрий из королевских палат, а когда коляска с ним и Мнишеком выехала из дворца, его ожидала ещё одна радость. Коляску окружили и взяли в почётный караул казаки во главе с Афанасием. Казаки, как водится при почестях знатных людей, стали во фронт, скрестив пики и обнажив сабли. Среди них выделялся и сразу бросился в глаза статный, рослый монах. Дмитрий пригляделся к нему и не сразу, но узнал в нём своего друга, побратима и верного слугу Афанасия Тучкова. Афанасий слез с коня и низко с почтением поклонился царевичу.

— Государю нашему многие лета здравствовать, — поприветствовал Афанасий царевича.

— Здравствуй, Афанасий, здравствуй, дорогой, — поприветствовал также радостно монаха царевич. — Без мала года два тебя не видел. Возмужал. А это что за народ вокруг тебя? Вижу, что казаки. Ты привёл? С чем пожаловали, станичники?

— Мы — атаманы Запорожской Сечи! Мы казаки славного войска Донского! Мы — кубанские казаки! — отвечали степенно друг за другом лихие усачи. — Челом бьём тебе, государь, просим взять в твоё войско. Клянёмся идти с тобой на Москву. Не хотим Бориску, хотим законного наследника.

— Почему же не взять? — не скрывал радости Дмитрий. — Что взамен хотите, паны атаманы?

Мужики чуть погалдели, и один побойчее выкрикнул:

— Волю, государь. Дай нам волю, и мы всех врагов положим к твоим ногам.

— Волю так волю, почему не дать? — важно отвечал Дмитрий. — Берите до скончания царствия моего. Больше даю, берите завоёван-

ные грады и сёла на два дня в полное владение. С вас за то требую дисциплину и повиновение, храбрость и стойкость в сражениях! Такую, какую вы являете при защите своих станиц и своей Сечи, — повысил он голос, давая понять, что перечесть ему нельзя.

— Клянёмся! — грянули дружно казаки. — Не посрамим честь свою, прославим казацкую вольницу.

В 1604 году Дмитрий, поддерживаемый поляками и казаками, пересёк границы и уже в 1605 году 20 июня вступил во владения Московского государства. Поход его начался удачно, в целом был успешен и довольно скор. Сопротивления почти не было, слух о законном наследнике, о его намерениях взять престол в свои руки давно разнёсся по России. Только единожды его войско побили, но они быстро поправились, поскольку его самого давно ждали, на него молились. Жестокость Бориса, разразившийся голод, а за ним голодомор способствовали этому. Ему без боя сдавались грады и сёла. Народные дружины вливались в его войско. Знатные бояре предавали царя и переходили на сторону Дмитрия.

Чуть ли не вся Москва вышла встречать объявившегося наследника, сына великого Иоанна Грозного. На него возлагали большие надежды и чаяния. К тому времени злейшего врага Дмитрия — Бориса Годунова не стало, он умер собственной смертью за два месяца до входа царевича в Москву. Годунова захоронили в Архангельском соборе Московского кремля, престол занял его образованный сын Фёдор, но и ему не удалось долго побыть у власти. Бояре, как только прознали о подходе Дмитрия к Москве, сговорились с Дмитрием, предали Фёдора, ворвались к нему в палаты и задушили, тем самым расчистив дорогу законному наследнику. Дмитрий, войдя победоносно, с триумфом в Москву, возомнил себя вторым Александром Македонским. 21 июля, венчаясь на царство в Успенском соборе, объявил себя «непобедимым» императором. В мае 1606 года к нему с почестями прибыла к тому времени уже жена Марина Мнишек.

4. Бесславный конец

Надежды Дмитрия на своё долгое, крепкое царствование, как известно, не оправдались. Наобещал он всем и всюду непомерно много. Обещанное — известное дело — надо выполнять, порой платить большой ценой, гораздо большей, чем обещал. Опьянённый первым успехом, он с самого начала правления сотворил немыслимое — отдал на разорение полякам родную землю, великую Москву. Поляки в ней бесчинствовали, грабили, насиловали, оскверняли церкви, святые места, насаждали везде и всюду свою католическую веру. Простому народу, боярам, прочему люду такое бесчинство, естественно, не нравилось. Люди возмущались, роптали, грозили свергнуть, казнить обманувшего их надежды правителя. Не нравились это и его другу Афанасию.

— Что ты творишь? — возмущаясь, останавливал его Афанасий. — Отец твой, предки твои собирали Русь по частичкам, по кусочкам, крепили её, а ты разбазариваешь, отдаёшь на расхищение. Разве это по-хозяйски, по-державному? Полякам служишь? Это не я говорю, народ твой говорит.

— Молчи! Что я могу сделать, я же обещал! — огрызнулся Дмитрий, понимая, что не прав.

— Да, обещал, но ты же и говорил, что надо только сесть на престол, а там всех взашей. Что, кишка тонка? — не стеснялся в выражениях Афанасий, болея за поруганную державу. Тучков уже всю корил себя, совесть его точила: зачем связался с царским сыном, чужая душа — потёмки, ненадёжная она.

— Говорил, — будто оправдывался Дмитрий, а у самого было на уме, — но дальше носа, видеть, не видел. Он упивался близостью безграничной власти, престолом великой державы. — Попробуй поляков сейчас выгони, Сигизмунд сразу нам войну объявит.

— Ну и что! Лучше война, чем надругательство над Родиной, над её святынями, над народом. Остановись! Иначе плохо кончишь, — чуть не сорвался на крик Афанасий.

— Умолкни! Ты как с царём разговариваешь?! — рявкнул Дмитрий, захлестнуло, понесло его. — Не лезь не в своё дело! Моя стра-

на, что хочу, то и делаю! — кричал он, свирепея. — Своего места не знаешь! Я укажу! Я царь тебе. Ты меня не учить должен, а молить, просить, исполнять что велено.

— Дмитрий, опомнись, — попытался умерить пыл раскрасневшийся Тучков. — Мы друзья с тобой, с детства вместе. Для тебя нет вернее друга, чем я. Кто тебя остановит, кто ещё нужный совет даст? Тебя Марина против меня, против страны настраивает. Опьянённый любовью к ней, ты не видишь, что она тебя губит.

— Замолкни! — пуше прежнего рассвирепел и выкрикнул Дмитрий. — Не смей даже всуе тревожить имя её. Она жена мне — и этим всё сказано, — бушевал он. — К тому же в государственные дела ей ходу нет, я сам страной руковожу.

Неправду говорил Дмитрий, кривил душой. Стыдно признаться, но всё наоборот шло, Марина-то как раз всем и руководила. Чем дальше, тем больше она прибирала власть к рукам, лишала самостоятельности Дмитрия. Собственно, к этому она всю жизнь стремилась. Хитрая, обладающая острым, изворотливым умом, она далеко смотрела вперёд и ещё при помолвке заставила Дмитрия поклониться, что он поменяет веру православную на католическую. Требовала поменять самое святое, что есть у русского человека! Мало того, она потребовала, чтобы он принародно короновал её, дал ей полную власть и возможность единолично править Российским государством. Слеплённый любовью, Дмитрий не сразу, но и тут уступил. И на венчании, которое происходило в Москве, в Грановитой палате, они обменялись кольцами, Дмитрий короновал её. А знатный, изворотливый — чистый оборотень боярин Василий Шуйский произнёс пагубные для страны слова:

— Великая государыня! — сказал он, избранный и поддерживаемый такими же предателями, как он, боярами. — Великая сей час царица всея Руси Марина Юрьевна, его царское величество желает взятии вас себе в цесаревны. Извольте вступить на свой цесарский престол и быть сего дня царицей.

Специально подобранный, сговорчивый священник подошёл к ним, дал поцеловать крест и благословил обоих на царствие.

Меж тем разговор на высоких нотах между бывшими друзьями разгорался. Дмитрий, опьянённый любовью, отравленный радостью завоевания престола, мнил себя великим полководцем и мудрым политиком, он — цезарь, он как великий князь Владимир Красное Солнышко, ему не надо ни к кому прислушиваться.

— Чем ты недоволен, Афоня? — полуласково спросил он, всё-таки вспомнив прежние вместе прожитые годы. — Чем тебе не угодна Марина? Она умна, деловита, в делах государственных знает толк. Ты тоже не обижен — получил дворянское звание, стал именованным. Тебе присвоено воинское звание, теперь ты не монах Афонька, а воевода Афанасий Тихонович Тучков. Она была не только не против этого, наоборот, это сделали по её настоянию, — соврал Дмитрий. — Что ещё тебе не хватает?

Тучков с болью отвел глаза:

— Дмитрий, спасибо тебе за звания, но я за них не держусь. Можешь их забрать обратно. Хоть сейчас. Не люблю мне сегодняшнее положение. Посмотри, вокруг нас одни католики, как будто здесь не российский двор, а западный. Вспомни князя Острожского, он видел в тебе государя Московии, государя мощной православной державы. Что на деле? Поляки ходят по кремлю как по Кракову, а по Москве — как хозяева или того хуже, как ненаказуемые воры, грабители. Ты лично мне обещал, что им не будешь потворствовать.

— Я же тебе сказал, я не могу всё сразу. Подожди, дай срок. Всех поставим на место, — пытался договориться Дмитрий, умасливая друга.

Но не вышло. Афанасий был прозорлив.

— Ты не думаешь, что, пока срок закончится, латиняне застроят костёлами не только Москву, но и всю нашу землю? — предостерегал он. — Их ксендзы чёрными псами шныряют по русским городам, весям, лезут, словно тараканы, туда, куда их не просят, где их не ждут. Ты же русский царь, сын великого Иоанна IV, так будь достоин отца. Изгони их, — требовательно заглянул в глаза Дмитрию Тучков.

Голос Дмитрия лился патокой:

— Ещё раз говорю: не суетись, не спеши. Придёт время...

— Когда? — резко перебил разгневанный Тучков, сверкая глазами. — Нет мочи больше ждать. Может, всё дело в том, что ты говоришь одно, а сам по наивности надеешься, что Россия станет католической? У тебя жена — католичка, в твоих советниках одни иезуиты-католики. Запомни, этого никогда не будет, не может быть по определению. Напрасно считаешь. Русский народ никогда не примет католичества! — веско произнес Афанасий. — Ты выйди к народу не объявляясь, кто ты есть, и послушай, что говорят простые люди о тебе, о Марине Мнишек. Поймёшь, как народ тебя любит и хвалит, чтит как последнего иуду, как предателя Марину...

От таких слов губы у Дмитрия в бешенстве задержались, глаза метали молнии:

— Что?! Что ты сказал? Предателя? Во-он с глаз моих! — звенел его голос.

— Я уйду, — как-то сначала будто сник Афанасий, переживая за бывшего друга. — Мне самому противно с тобой рядом быть. Запомни — ты плохо кончишь. Виселица тебе уготована! — не сдержался наконец Тучков.

— Во-о-н! — взревел Дмитрий и швырнул в Афанасия подсвечник. Афанасий легко уклонился и с достоинством покинул царские покои. Вышел, вытирая холодный пот со лба, с высоко поднятой головой, мимо лыбящихся рынд и польских прихвостней.

На другой день он не вышел на службу, стал готовиться к наказанию: в лучшем случае — к отлучению от двора, в худшем — к заточению. Он всю ночь не сомкнул глаз, перебирал дословно разговор с Дмитрием, его обидные слова, переживал, что не смог переубедить его изменить политику. Только под утро задремал, не успел, кажись, прикоснуться к подушке, как его разбудили требовательным и настойчивым стуком в дверь. «Пришли, — подумал он и прошептал: — Скор на расправу оказался дружок». В покои ввалился пьяный польский дьяк Адам Визиевский, что был при свите государя.

— Спишь, монах? — начал уже с утра хлебнувший спиртного и осведомлённый о ссоре развязно дьяк. — Почто службу не несёшь?

— Тебе что за дело! — огрызнулся Тучков. — Я отстранён и к тому же плохо себя чувствую.

— Притворяешься? — дыхнул хмельными парами дяк. — Некогда сегодня б-болеть! Государь с государыней требуют тебя. Приказали в палаты доставить ж-живым или м-мёртвым.

— Нет у меня желания к ним — ни живым, ни мёртвым, — холоднокровно, с вызовом ответил Тучков. — Если убрать решили, так давай прямо в казематы. Нет? Тогда налей для бодрости вина. Вон там в шкафу стоит. Пропадать, так с музыкой. И себе плесни.

— Что же, веда, — сказал Афанасий, после того как опрокинул баклажку.

Дмитрий встретил его так, словно вчера они не повздорили, словно не разошлись крупно во взглядах на устройство России. Дмитрий тоже не спал, думал, понимая, что возврата к старым добрым отношениям у них нет, хотел, однако, поладить миром, не доводить до крайности и нашёл, что только одно их может помирить — это расставание. Как бы там ни было, но только под утро принял это решение.

— Помнишь ли ты, как мы год назад обсуждали пути из России в Индию и Китай? — начал издавека он.

Тучков помедлил, он готовился к худшему.

— Конечно, помню, — наконец ответил он. — Ты говорил, что северный морской путь из нашего Архангельска через Мыс Доброй Надежды куда приемлемей и выгодней, чем караванный земной путь.

— Верно, — как ни в чем не бывало подтвердил Дмитрий. — Значит, надо подготавливать его. Но прежде — навести там порядок. Английские купцы жалуются, что терпят большие убытки из-за мздоимства архангельских таможенных дяков, а также от разбойных людшек, которые грабят их обозы, и не только их, но и наших купцов. Это мешает торговле, а главное — добрососедским отношениям наших стран.

— Да и чёрт с ними, с английскими купцами, — отрезал Тучков, видно, заговорила в нем ещё вчерашняя обида. — У них и без того были такие, что впору нашим купцам своё дело закрывать и к ним в слуги наниматься. Ты же этих англичан совсем освободил от податей. Разве не помнишь?

— Да, освободил! — начал по новой заводиться Дмитрий. — Но временно. Дай оправиться

— и вернёмся к старому. Сейчас не об этом речь. Сейчас, я уже сказал об этом, надо среди тамошнего самоуправства навести порядок. Я для этого и вызвал тебя, — смягчил он тон. — Так вот мы собственным волеизъявлением направляем тебя в Архангельск воеводой!

— Воеводой? — переспросил ошарашенный Афанасий. Тюрьма, ссылка — ко всему готовился, но что его пошлют воеводой, он никак не ожидал. — Почему, отчего? Я в воеводских делах мало чего смыслю.

— Да, воеводой, — подтвердила и Марина Мнишек, которая подошла к мужу и чуть загородила его собой, всем своим видом давая понять, что это её воля. — Не каждому мы оказываем такую честь. Целуй руку за то государю.

— Это лишнее... Скажи, кто кроме тебя?! — смягчил её слова Дмитрий. — Тебя я хорошо знаю, ты к морскому делу ещё в Киеве прикипел. Вспомни. И наконец, я тебе как никому доверяю, надеюсь, что ты верой и правдой будешь служить государю и его державе и не посрамишь честь свою.

Через неделю, получив все необходимые грамоты из Разбойного, Посольского и Казанского приказов, Афанасий Тучков в сопровождении полутора сотен казаков отбыл в Астрахань. С той поры разошлись его пути и дороги с государем всея России Дмитрием, сыном Иоанна Грозного.

Совсем недолго продлилось царствование на Руси Дмитрия. Народ, дворянство, купечество чем больше приглядывались к нему, тем больше понимали, что Дмитрий не настоящий, не наш — подкидыш, не русский совсем. Чужой, подставной — Лжедмитрий он, и чем дальше, тем больше становились недовольны им. На то были веские основания: женился на польке, ладно бы одной веры, а то чуждой, не приемлемой народу. Пускай бы и так, взял бы и перекрестил, заставил принять нашу православную веру, так он нет, в церковь её ввёл, причастил, возложил венец. Тем самым церковь осквернил, порушил веру в самого себя. Во-вторых, иноверцев-поляков в Москву пустил, казну, город на разорение отдал. Те, под собой ног не чуя, грабили, убивали местных жителей, насиловали женщин, девушек, пили до сраму, облик человеческий теряя, оскверняли святые.

Видя возмущение людей Дмитрием, влиятельный, умнейший и в то же время изощрённый, кровавый политик на Московии князь Василий Шуйский подобрал момент, когда недовольство дошло до кипения, и призвал людей:

— Готовьте, люди добрые, топоры, ружья, сабли. Идём бить поляков, а с ними и самозванца поганого, Лжедмитрия. Пора всем воздать по заслугам!

В мае 1606 года Дмитрия низложили и сначала посадили в тюрьму. Поляков, им приведённых, кого побили, кого выгнали за пределы Государства Российского. Дмитрия в застенках жестоко пытали и после отречения от него родной матери привязали за ноги и поволокли на верёвке по лестницам через весь Кремль на Красную площадь.

На площади собирался народ, к Дмитрию вторично подвели мать Марию Нагую, просили подтвердить свои слова для всего собравшегося люда. Она с хрипом и желчью выкрикнула так, чтоб люди слышали:

— Не мой! Не Дмитрий это.

Дмитрия сначала четвертовали, потом привязали к столбу, обложили сучками, поленьями, хворостом и сожгли. Пепел собрали в кучку, заложили в жерло пушки, ствол повернули на Запад, туда, откуда пришёл, и отдали приказ: «Пали!»

Пушка, заряженная двойным зарядом, выстрелила со страшной силой так, что пепел разлетелся по всей площади, и от Дмитрия следа не осталось. Какой бы он ни был, но надо отдать должное мужеству Лжедмитрия. Ни одного стога, ни одной жалобы, ни одной просьбы о помиловании не услышали ни палачи, ни народ, собравшийся поглазеть на казнь как на представление, как на потеху.

16 мая к его жене Марине Мнишек в её женские покои ворвалась разъярённая толпа, царицу схватили, изнасиловали, как звери, как голодные до сношений псы, всем стадом. Когда счёт дошел до нескольких десятков, её «пожалели» примчавшиеся на потеху бояре и освободили. Дальше её судьба закрутилась ещё хлеще. Сначала Марину сажали в темницу, потом, боясь мести Сигизмунда, освободили и отправили в Польшу. До Польши она

не доехала, её по дороге догнал Лжедмитрий II и склонил стать его женой, объявляя всем, что он есть Дмитрий I, сын Иоанна Грозного, якобы уцелевший, чудом спасшийся от казни. Авантюрная насквозь Марина согласилась и снова уже, с Лжедмитрием II, поехала завоевывать Москву.

Москву на этот раз они не взяли, были разбиты и бежали. Нового Лжедмитрия настиг потомок ногайских князей Пётр Урусов и отсек самозванцу голову. Марина уцелела, мало того — она в промежутке этого страшного, смутного времени успела забеременеть и родить потомка. Оставив сына на воспитание, сама бросилась в новую авантюру, связалась с атаманом Иваном Заруцким и занялась грабежом русских градов и деревень. Разбойничала до тех пор, пока на русский престол не сел законный царь Михаил Романов.

Смутное время кончилось, Заруцкого с Мариной прижали, они бежали на Север и оттуда организовали новый поход на Москву. Их опять разбили, они снова бежали, казаки из шайки же Заруцкого, сговорившись, их предали, схватили и передали стрельцам. Заруцкого, чтоб неповадно было, посадили на кол, уже четырёхлетнего сына Марины повесили, а саму Марину утопили в Москве-реке. Так бесславно закончилась жизнь одной из самых красивых, самых трагичных и авантюрных женщин Европы Марины Мнишек.

Часть шестая КОНЕЦ ПУТИ

Год 7126 — начало летоисчисления
от сотворения мира

1. Служение главному богу Севера Сэру Ирику

На следующий день стан мореходов пришёл в бурное движение: корабелы, мореходы, казалось, носились как угорелые, не зная, что хватать, куда бежать, что делать. Однако это только видимость, каждый знал своё дело, к вечеру шатры, инвентарь и прочие вещи были убраны в трюмы кораблей, тщательно уложены, упакованы, увязаны. Пушки, пи-

шали, до того снятые с кочей, водружены на место, большую пушку вернули на большой коч, поставили рядом с форштевнем, смотровую вышку разобрали, материал от неё перенесли на корабли. На кочи закатали бочки с засоленным мясом от добытых морских тюленей и моржей, а также бочки с жиром от этих же животных.

Сторожевую охрану, однако, не снимали. Мало ли, надо всегда быть начеку, да и сихиртя — народ, ещё до конца не понятый. Афанасий, конечно, не сомневался, что вождь сихиртя Засон пойдёт на какую-либо авантюру, но уж слишком хитро-мудрым и изворотливым показался он ему. Кто знает, что у этого подземного царя на уме. Конечно, большой беды он хоть и захочет, но не нанесёт, да и дочка его теперь здесь. «Единственное: может, до того им нанесли обиду люди, похожие на русских, — размышлял воевода и гнал эту никчемную мысль. — Вряд ли!»

Ближе к вечеру Афанасий получил сигнал от Тар Ямала, что можно приходить на камлание. Взял с собой своих первых помощников и охрану — шесть человек стрельцов. Их встречали так же радушно, как и в первый раз. Возгласы приветствий слышались отовсюду, но происшествие в сопках, ранение Тэмзу Наречи всё равно наложило отпечаток на лица, на приглушённую речь людей. Состояние раненого не спешило улучшаться и не давало повода для бурных эмоций.

Вождь сам вышел встречать их, пожал руки всем без разбору, по очереди и взволнованно сказал:

— Я должен идти в свой священный чум, потому оставляю вас на попечении Хаулы. Сегодня я могу встретиться с Сэру Ирику. Я это знаю.

На стойбище уже вовсю пылали предварительно разведённые костры, в их свете мелькали разодетые сообразно торжеству ненцы, тут же появились и пастухи с двумя жертвенными белыми оленями, приведённые ими на заклание. Жертвенные животные вздрагивали, передёргивали шкурой, протестуя хоркали, они поголовно носили клеймо на боках, припечатанное шаманской тамгой.

— Как чувствует себя Тэмзу Наречи? — в пер-

вую очередь задал волнующий всех вопрос Афанасий.

— Спит. Не просыпается, — ответил Хаулы.

— Весь день спит?

— Один раз проснулся. Шаман его напоил отваром, и Тэмзу снова уснул. Спит — это хорошо, сон лечит. Быстрее выздоровеет.

— Ты думаешь, обойдётся без последствий? Вдруг калеккой останется? — тревожился Тучков.

— Не должен. Пока всё складывается на пользу. Должен полностью восстановиться, так думает Тар Ямал, — заверил Хаулы и перевёл разговор на главное. — Видишь белых оленей?

Афанасий кивнул:

— Вижу, даже понимаю, почему они здесь.

— Эти — для подношения жертвы Сэру Ирику, — показал рукой ненец. — Это лучшие жертвенные олени шамана, шаман их отдаёт на заклание, чтобы тот не отказал в разговоре о тебе и твоих делах.

На поляну меж тем высыпала толпа женщин, они сноровисто начали расстилать в священном чуме и около него олени шкуры.

— Вон там в стороне новый чум видишь? — махнул рукой вправо Хаулы. — Это приехала молодая шаманка, очень уважаемая гостя. Она будет помогать тадибею и вместе с ним лечить одного тяжело заболевшего вогула, которого она привезла с собой.

— Первый раз слышу, чтоб бабы шаманили, — усмехнулся Тучков.

— Редко, но бывает, — подтвердил Хаулы. — Есть очень способные, всё лечат, камлают сильно.

— Неуж как Тар Ямал? — никак не верилось воеводе.

— Нет, таких нет. Он самый-самый, — не без гордости заметил ненец. — И этой пока далеко. Она молодая, у неё всё впереди. Несмотря на молодость, она многое успела, она может уйти в царство духов, говорить с богами, но выйти без последствий пока не может. Вернуться — самое трудное. Этому надо долго учиться. С лёту не возьмёшь. Тар Ямал тоже не сразу усвоил. Зато теперь он выдута, то есть могучий шаман. Он может всё! Он может даже убить себя, а потом воскреснуть. Так же, как это сделал русский Бог Христос. Только тот

ушёл на небо, а Тар Ямал остаётся с людьми.

Воевода сдержал улыбку:

— Тар Ямал не Бог и не из царствия Божьего. Интересно, как его допускают к себе боги? — спросил он с деланным удивлением.

— Он летает, — серьёзно ответил Хаулы.

Воевода глянул на небо, пожал плечами:

— Как это летает? У него даже нет крыльев.

— Он не на крыльях. Он в мыслях летает, душа его... Сам здесь, в чуме, тело здесь, а душа летит туда, где духи. А где духи, только большому человеку — тадибею известно. Конечно, чтоб улететь, надо подготовиться, соблюсти ритуал, одеться соответственно, идолов накормить и прочее, прочее. Один только шаман знает, что духам — богам надо.

— Душа бестелесная, можно, поди, и без одежды... — подковырнул Тучков, лукаво улыбаясь.

— Нет, голым нельзя, — толковал Хаулы с благоговением. — Надевают одежду и обязательно священную: малицу, пивы, пояс, шапку шаманскую. Иначе духов не вызовешь, надо быть наравне с ними, а они любят наряжаться. Ещё обязательно нужен бубен и колотушка.

— Они зачем? Объясни, интересно, — искренне любопытствовал Тучков.

Хаулы помолчал, словно подбирая слова, как объяснить такому далекому от их мира человеку, и начал:

— Бубен — брат шамана, его первый помощник. Бубен живой, он не предмет, а живое существо. Он только вчера надел на себя новуюшку, которую выделали бабы, он поёт, он бубнит, он звенит колокольчиками, говорит человеческим голосом, в зависимости от того, нравится ему, не нравится то, что происходит. Колотушка тоже живая, только она как баба, всё ворчит, всё стучит, всё брякает, и чем ритмичнее, быстрее стучит она, тем быстрее шаман достигнет до духов.

— Всё как у наших попов. Без облачения, без паникадил, распятий, икон, прочих причиндалов — никуда, — подметил стоящий тут же Корней, внимательно слушавший разговор воеводы с самоедом, и спросил: — Хаулы, ты, я знаю, был в нашей церкви, скажи, а что общего между попом и шаманом?

Ненец почесал затылок, беззвучно шевеля губами, и ответил:

— Мало чего. Разве что посох. У вас попы с посохами службу несут. У нашего шамана тоже есть посох, у ваших посох с набалдашником и на нём вырезана голова нюня¹ — священной птицы. Скоро, уже совсем скоро тадибей принесёт в жертву священного быка, которого сам выберет.

— Почему именно эти два священные? Что, других нет? — опять встрял Корней.

— Других нет. Только они. На них пал взор шамана ещё тогда, когда они были ягнятами. Их подложили, они не работали, на них не ездили, не запрягали, с ними только игрались, баловали. У Тар Ямала для пожертвований их много, но когда он собирается к Сэру Ирику, то выбирает самых лучших, чтоб лоснились, были крупными, жирными, ручными.

— Ясно, откармливают, как наши люди порося, — съязвил Корней. — Чем больше следишь, бережёшь, холишь, тем вкусней мясо, тем больше шансов ихнему языческому Богу понравиться.

— Трэм. Если олень плохой, то и хозяин не лучше. У Тар Ямала как ни у кого олень хорош. Мясо сочно, нежно, — почмокал губами, улыбаясь, Хаулы, — как у вас говорят, язык проглотить.

— Что-то шаманство затягивается. Когда хоть начнётся? — загозил нетерпеливый Корней.

— «Когда, когда»! Когда надо, тогда и начнётся, — урезонил Афанасий. — Шаман сам знает. Вон уже его помощница вышла. Это та молодая девка, которую я показывал.

— Ты хоть и показывал, а я всё-таки сомневаюсь, чтоб баба у шамана в помощниках ходила. У нас в церкви ни одной бабы за алтарём не увидишь. Бабья дорога с печи до порога, — снова съязвил Корней, не унималось ему — шлея сегодня попала.

— Трэм. Шаман сказал, что сегодня только она помогать сможет, — ответил Хаулы и с осуждением посмотрел на ведущего себя непристойно Корнея.

— Ты язык попридержи! — толкнул Корнея в бок локтём Афанасий, так что у того рёбра охнули. — Что ты лезешь с подковырками? Это их обряд, их обычаи, это святое для них. Понял?

— Понял, господин воевода, — виновато опустил голову Корней. — Прости, Хаулы, не из-за пакости я, плохого не чаял, любопытства ради. На таком представлении первый раз как-никак.

— Бог простит, — ответил сурово Афанасий. — Будь порядочен. Не срамись и нас не срами!

Наконец сам Тар Ямал вышел из чума, направился к лёгким священным нартам, стоящим отдельно от грузовых. На голове шамана была необычная шапка с опущенной на лицо чёрной маской, казавшейся настолько чужеродной, какой-то не от мира сего, даже зловещей, что невольно наводила на неприятие, даже на ужас, заставляла сжиматься, оглядываться, вздрагивать. Одеянию шамана, особенно его шапке, уделялось самое пристальное внимание, поскольку она, как считалось, вместе с головой первая проникала в мир иной, в мир духов. Края её были неоднократно прошиты жилами и длинными волосками кожи из шеи оленя и отдавали, в противовес маске, яркой белизной. Края же были украшены бахромой и кистями беличьих красноватых лапок, наполняли саму шапку цветом багряной ровдуги². По колпаку шапки сверху вниз змеились серебряные монеты и маленькие, размером с напёрсток, колокольчики. Прорези для глаз в маске оторочены теми же жилами и волосами. Так же ярко, чудно и пёстро разукрашена малица, она, кроме того, подшита соболиной или песцовой опушкой и разноцветными лоскутами из цветастой материи. Эта же бахрома спускалась по шву рукавов от плеча до запястья. Кисы³ тадибея тоже не обделены: расшиты и разукрашены искусным орнаментом, к их голенищам пришиты медвежьи клыки-обереги и такие же, как на шапке, серебряные колокольцы. На руках — семипалые священные рукавицы из тщательно выделанной белой как снег ровдуги.

Тар Ямал словно на крыльях подлетел к метавшемуся, вероятно почувствовавшему смерть, оленю, которого едва удерживали трое молодцев, что-то шепнул ему на ухо, и тот как заговорённый успокоился, покорно опустил голову до земли. Шаман ловко накинул на шею поданную шаманкой верёвку, стянул удавку и в один присест задушил жи-

вотное. Со стороны казалось, что он не совершил никаких насильственных действий и усилий, но это было далеко не так, просто это приходилось делать часто, действие было отработано до совершенства. Кроме того, немалую роль здесь играли ловкость и сноровка шамана. Сначала всё шло привычно, однако почти после удушения шаман никому не собирался предлагать ни кровь, ни мясо жертвенного оленя. Ненцы знали об этом, и никто не разевал рот, не ждал угощений. Тар Ямал опять же ловко и быстро снял шкуру с оленя, разделал его и, велев собрать кровь, возвратился в чум. Вслед за ним с головой оленя скользнула туда же шаманка. Спустя немного времени она высунула голову из чума и что-то властно выкрикнула на своём языке.

— Нас в чум зовут, — перевёл Хаулы и направился туда, вслед за ним пошли гости, а затем — местные.

Воеводу на правах старшего запустили первым, за ним, низко склонив голову, проник в чум Корней, потом Севрюк — все по чину, Хаулы стоял у входа и любезно приглашал каждого.

— Садись, воевода, и вы, уважаемые, садитесь, — показал на шкуры, расстеленные на полу около очага, Тар Ямал (не принято у кочевников иметь в доме сидений). — Слушай внимательно меня, воевода, повторять не буду. Внемли и вникни в речь мою. Не усни, не отключись, не расслабься, прошу, настаиваю. Процесс длительный, тяжёлый, для тела и духа затратный. Ты можешь дойти до такого состояния, что сам услышишь голос Сэру Ирику, можешь услышать и другие близкие тебе голоса.

В чуме жарко горел очаг, белые струи дыма поднимались высоко вверх под купол и уходили в дымоход. В проёме — в оконце смутно просматривалось серое с повисшими грозowymi тучами небо.

Тар Ямал принялся за дело: скинул рукавицы, взял бубен, подвесил его на специальную яркую ленту над очагом. Указал шаманке на котелок, и та, налив в котелок воды, подвесила его над костром, вода вскоре заурчала, забулькала. В такт бульканью запел и бубен, издавая заунывные, мелодичные звуки. Тар Ямал бросил в котелок извлечённые из-за па-

зухи сухие листья травы и корни. Вкрадчиво сказал, приложив палец к губам:

— Слушайте. Слышите: бубен говорит с вами, он доволен, он сыт, ему нравится обстановка и люди, пришедшие к нему.

И тут же, пятясь, зашел в затемнённое условное место, находящееся в правом дальнем углу — к священному алтарю с истуканами, божками, сядаями, выговаривая что-то ему одному понятное и переставляя, целуя, оглаживая своих идолов — духов. Его серебряные колокольцы, тонюсенько звеня, что-то нежно и непрерывно пели, что-то такое благозвучное, умиротворяющее, ласкающее душу и сердце. Пробыл там, в затемнённом пространстве у алтаря, недолго и так же внезапно, как и исчез, появился вновь, присел на корточки к костру и посадил около себя большого идола, по объяснению Хаулы, самого Сэру Ирику.

— Этот идол из камня, он с острова Белый, он жертвенный, священный, — пояснил Тар Ямал. Похлопал по бокам ноздреватую, с глубокими выемками и кровавыми подтёками каменную породу и сказал. — Камень — наш помощник, он не даст сбиться с пути.

Меж тем шаманка, знавшая ритуал наизусть, не дремала, поднесла Тар Ямалу чашу с жиром и кровью от жертвенного оленя. Шаман торжественно, тонкой струёй вылил подношение в углубление камня, смазал жиром губы истукана, протянул чашу шаманке обратно через костёр, та не глядя, изогнувшись, ловко подхватила её. Только тут шаман снял бубен, потрогал подсохшую и натянувшуюся кожу, остался доволен, сел на шкуру и стал постукивать костяшками пальцев по бубну, всё убыстряя и убыстряя темп. Вместе со звуками бубна всё громче и громче звучали голоса серебряных колокольцев. Тар Ямал под эту, казалось, потустороннюю мелодию, в такт бубну начал раскачиваться, наклоняться назад-вперёд, медленно вставая и выпрямляясь. При этом тут же одновременно свиваясь, развиваясь, ломаясь, будто тело его не имело костей, состояло из хрящей и шарниров.

От завораживающего ритма музыки, изворотливых движений тела шамана ненцы медленно входили в транс, покачивались в такт

бою барабана, закатывая отупленный взгляд. Из kloкочущего котелка поднимались клубы пара, распространяя в тесном помещении чума дурман. Шаманка, несмотря на это, всё подсыпала и подсыпала в котелок своих крепко пахнущих снадобий. Добиваясь, видимо, того, чтобы запах всё время менялся и всё больше затягивал людей в тягучий дурман. Над очагом поплыл жёлтый дым с тяжелым запахом.

— Это снадобье самого шамана. Только он может приготовить с таким ярким цветом и острым запахом, — пояснил через усилие, еле шевеля языком, Хаулы. — Это порошок для самого Сэру Ирику. Запах его он любит, знает и должен выйти на связь с Тар Ямалом.

Шаман же, не переставая бить теперь уже колотушкой в бубен, запел на одной ноте что-то протяжное, заунывное, тягучее. Хаулы, собрав волю в кулак, с силой тряхнул головой, приводя себя в чувство, и перевёл Афанасию:

— Шаман спрашивает бога, доволен ли тот твоей жертвой.

— Почему «моей»? Олени не мои, — удивился тоже разомлевший Афанасий.

— Шаман жертвовал от тебя, говорил «твой», — уверенно ответил Хаулы. — Не забудь заплатить за оленя.

— Интересно, сколько стоит жертвенный олень? — поднял бровь воевода.

— Я не знаю. Спроси у шаманки, она знает. Или дай ей белую деньгу. Она хорошо стоит.

Воевода согласно кивнул.

В чуме становилось всё жарче и жарче, по спине Афанасия потёк липкий пот, голова кружилась, глаза слипались, в цепкие лапы захватывала дрема. Афанасий боролся, только с большим усилием преодолевая наваждение, не засыпал, тёр глаза, но веки всё равно смыкались. С окружающими происходило то же самое, некоторые уже спали стоя.

Вдруг Тар Ямал прекратил бить в бубен, поднял его высоко над головой одной рукой, весь задрожал, закружился, закривился, на устах появилась пена, неожиданно выхватил нож и поднял его над головой так, чтобы все видели. Люди замерли. В чуме повисла гробовая тишина. Все затаили дыхание, со страхом ожидая дальнейшего. Тар Ямал пронзительно что-то выкрикнул и вонзил нож себе в грудь. Му-

жики ахнули, бабы завопили, запричитали. Афанасий, стоящий рядом, отчётливо видел, как отточенный до блеска клинок вошёл в грудь, как из груди засочилась кровь. Шаман вздрогнул, передёрнулся всем телом, колокольцы жалобно звякнули. Все ждали, что он упадёт и забьётся в предсмертных муках, он же неожиданно снова запел, встряхивая и колотя неистово колотушкой в бубен. Пел, изредка поглядывая на нож в груди, по рукоятке которого стекала, капая на шкуры, алая кровь. Было странно видеть нож в груди, его зловеще торчащую белую рукоятку из кости мамонта и не ощущать ужаса происшедшего, как будто всё происходящее само собой разумелось, будто ничего страшного, запредельного не произошло. Шаманка по его велению взялась семипалой рукавицей за нож и осторожно выдернула его. Так же осторожно взяла из рук шамана бубен и колотушку, а шаман как ни в чем не бывало продолжал петь.

— Как, на чём он держится, почему не падает? — ошарашенно спросил шёпотом Афанасий у Хаулы.

— Я сам не знаю. Такова сила шамана, — чуть слышно ответил тот.

Тучков был встревожен не на шутку. «Он, конечно, говорил мне, что может без последствий проткнуть себя ножом, но я не верил, — думал Афанасий, беспокоясь за жизнь шамана. — Любой смертный на его месте давно бы загнулся. Я же стою рядом и всё вижу, здесь нет никакого обмана — нож действительно пропорол грудь. Да, чудеса!» А вслух у Хаулы спросил:

— О чём он поёт сейчас? В чём смысл?

— Он объясняет произошедшее, что нож, как ему и положено, легко и без боли вошёл в грудь и без боли и последствий вышел из груди. Значит, у Сэру Ирику есть возможность встретиться с Тар Ямалом и пустить его в свой священный чум на острове Белом. Он хвалит шаманку, говорит, молодец — помощница, она всё сделала правильно, она с сегодняшнего дня сама может говорить с Сэру Ирику, может вылечить привезённого больного и без помощи шамана, — старательно в подробностях переводил Хаулы.

Тем временем шаманка сама начала разма-

шисто и ритмично бить в бубен, а шаман продолжал петь что-то протяжное и заунывное. Остановился, взял нож из рук шаманки, тщательно рассмотрел следы крови, куда направлены, какой формы, что-то прочитал по ним и запел ещё громче, а кровь продолжала сочиться из груди. Наконец он словами песни стал передавать разговор с могущественным богом Севера — с Сэру Ирику.

— Сэру Ирику говорит, — переводил взволнованно Хаулы, — луця пришёл на Северную Землю, на землю великого ненецкого народа не просто так. Он пришёл по большому, важному делу. В знак этого луця получит от ненцев дарственного идола с жертвенника Белого. Тар Ямал, вождь ненцев, должен передать идола, должен помогать луця, дать оленя, дать рыба, дать в помощь людя. Тяжело будет луця, смерть ходит рядом. — Хаулы непроизвольно вцепился в рукав кафтана Афанасия и вслед за убыстряющейся песней шамана стал переводить быстрее: — Не здесь смерть, не здесь неприятности — далеко отсюда, в главном городе луця, там, откуда он пришёл, — в Москве. Три или две зимы пройдёт, пока воевода закончит своё дело. Но ходить по построенной воде через Ямал в Мангазею будут не большие, а средние и малые лодки. Дальше Сэру Ирику видит большую рыбу, она однажды, много лет вперёд, пойдёт той же дорогой, что и нынче идут купцы — через Камень. Страшная рыба, большая рыба, шайтан-рыба! Её зовут Нёй. Воевода должен передать людям, идущим за ним, чтоб боялись её. За ним не сразу, но придут плохие людя, они разбудят чёрные подземные силы бога Нга и выпустят наружу Нёй, а от неё Большой огонь. Сейчас Большой огонь рыбы Нёй спят под семью слоями земли, от неё нет беды, но я вижу, она придёт. Поскольку люди возомнят себя выше бога Нума, Главного бога на свете, подарившего миру Солнце, Небо и Землю. Сэру Ирику видит огонь над Нарзямским, Мангазейским морями, над тундрой, такой огонь, что покраснеет небо от края до края, а смрад, дым, яд не дадут дышать. Всё это вижу, говорит Сэру Ирику, в близком будущем. Не пройдёт и четыре сотни лет, как рыбу Нёй освободят из-под земли и она вылезет наружу.

— Спроси Тар Ямала, что будет тогда с Землёй, она погибнет? — шепнул Афанасий Хаулы.

— Не могу спросить, — пожал плечами самоед. — Его нет здесь. Тут только тело, а душа шамана говорит с Сэру Ирику на острове Белом. Сэру Ирику через уши тадибея говорит для тебя, воевода. Слушай внимательно. Не отвлекайся. Сейчас он говорит, что воевода должен принести в жертву белого оленя. Тогда он спасёт Ирину Тучкову и её семью. И ещё: в скором времени путь у Афанасия лежит домой, он должен завести свою семью.

— Я не понял. Какой дом, только что говорил, что здесь дел на две зимы, — не понял Корней.

— Ну и что, для него даже четыре сотни лет — и то небольшой срок, — ответил Хаулы.

Неожиданно шаман перестал петь, застыл изваянием, а потом совсем уж неожиданно не своим голосом, а звонким, молодым, чисто, внятно, без акцента, по-русски сказал:

— Афанасий, Шуйский убил меня не в бою, а предательски. Душа моя не может найти покоя и места, — и уже своим голосом добавил: — Афанасий, бойся Джеймса.

— Боже, при чём здесь Шуйский? — прошептал стоящий рядом Василий Севрюк. И быстро несколько раз перекрестился. — Шуйский получил своё — и по заслугам ему.

Тар Ямал вскинул высоко голову, протяжно застонал и, выронив нож, рухнул на землю. Звук от падения тела показался таким протяжным и глухим, что у присутствующих захолонули сердца, застыла кровь в жилах. Шаман не остался неподвижным, он забился в судорогах, маска съехала с лица, и люди увидели, как побелело оно, как покраснели глаза, как с губ закапала пена. Никто даже представить себе не мог, каких нечеловеческих усилий стоило ему камлание.

— Что он, как? Выживет? — первым не выдержал сердобольный Севрюк.

— Не знаю. С ним всегда так после встречи с духами. Никто не знает, что дальше будет, — на удивление спокойно ответил Хаулы.

Судороги, стелания в красном свете раскалённых, догорающих углей, покрытых серым пеплом, продолжались, а по бледному как сама смерть лицу шамана гуляли отблески очагового пламени.

Ненцы были не в первый раз на таком представлении — они и то не сразу, но мало-помалу приходили в себя, тихо меж собой заговорили, обмениваясь впечатлениями.

Афанасий стоял рядом с шаманом, пытался и никак не мог осознать смысл сказанного. Его поразило всё, а особенно то, что поведал шаман о таких личных подробностях из его жизни, о которых он никогда никому не рассказывал. А когда в конце камлания шаман заговорил молодым, не своим, а знакомым ему с детства голосом, вообще ошеломило, едва не убило его. Ведь Афанасий знал этот голос, пытался вспомнить, кому он принадлежал, но сразу, будучи в возбуждённом состоянии, не смог.

Тем временем шаман очнулся, шаманка помогла ему встать, усадила заботливо на шкуры, подперев длинным чурбаком спину. Набрала из котелка травяного отвара, напоила его. Тар Ямал пил жадно, вздохнул, видно, что изнурён без меры, что израсходовал все внутренние силы и резервы, что на восстановление потребуется много-много времени.

Ненцы, видя крайнюю утомлённость вождя, потихоньку, чтобы не мешать восстанавливаться, покидали чум.

— Воевода, — подошла к Афанасию шаманка. — Шаман обессилен и очень слаб. Ему нужно время на восстановление. Всё, что ты хотел услышать от него, он сказал, даже больше — луща помощь будет! Так повелел Сэру Ирику.

— Хорошо, я понял, — ответил воевода. — Главное, что он остался жив. — И дал своим людям отмашку покинуть чум. Сам у полога шатра обернулся посмотреть ещё раз на великого человека, и его словно пронзила молния. «Голос, которым говорил в конце шаман, это же голос царевича Дмитрия, — вспомнил он. — Что же этим хотел передать он? Что душа Дмитрия не на месте, мечется? А что я могу? Тут я бессилен. Он сам продал душу дьяволу. Что же касается Шуйского, то он не избежал такой же, как у царевича, участи. Главное сейчас не в них, — думал воевода. — Главное, что мы добились расположения ненцев. Они не против, а за нас и будут помогать в строительстве канала».

2. Начало нового пути

В тот же день, подняв паруса, кочи с отрядом отправились навстречу своим друзьям — соратникам Фёдору Устюгову и Тимофею Глазову. Сначала обратным ходом зашли в реку Зелёную, в её устье, в нём не задержались. Отобрали два лучших коча, а остальные оставили в Зелёной под охраной, подались к озёрам Ней-то и Ямбу-то, чтобы вместе с соратниками отыскать и разметить на местности очертания будущего канала и наконец начать его рыть. Необходимо досконально ознакомиться с местностью, промерить длину трассы, разбить её, закрепив вешками, просчитать глубину канала, поглядеть на грунт, определить протяжённость и глубину мёрзлого слоя, в общем, сделать многое — всё, что требовалось при таких работах. И самое главное: завезти на место будущего канала плавник — лес для растопления мерзлоты.

Чтобы не перетаскивать вновь по волоку кочи, обогнули полуостров, пройдя оттаявшей береговой кромкой между ним и островом Белым, зашли в ту же реку, что и в первый раз, прошли вниз по течению и вошли в озеро Ней-то с оговорённой для встречи стороны. Место для стоянки кораблей Севрюку в этот раз искать не пришлось, его на восточном берегу озера Ней-то и без того все знали, там в воду уходили уложенные ещё ушкуйниками много лет назад брёвна из лиственницы. Именно по ним корабли вытаскивали из воды и далее по каткам перетаскивали в озеро Ямбу-то. Именно здесь воевода и его помощники надеялись встретить старых боевых друзей Тимофея Глазова с Фёдором Устюговым.

Мореходы ещё издали заметили корабли на знакомой стоянке, а когда подошли поближе, то насчитали у берега восемь судов, девятое уже было вытасчено на берег. Рядом с причалом стояла небольшая низкая изба, словно вросшая в землю, и несколько войлочных зимних татарских нарт.

— Вблизи Тимошкин лагерь, не иначе, — определил Тучков. — У иноземцев привязанность к другим шатрам. У них шатры со стенами из шести или даже восьми граней. А вон и они — за бугром, — махнул он рукой в сторону шатров.

— Похоже, что так. Поморов нет, они больше к корабельной избе склонны, чем к шатрам. В ней и мошки меньше набивается, — рассудительно добавил Севрюк.

При упоминании мошки лицо Афанасия передёрнулось, он поёжился. Не любил он эту тварь, порой она его так доставала, что хоть волком вой. Увидел, что Севрюк исподтишка, с ехидной улыбкой смотрит на него, сам в ответ ухмыльнулся и с подковыркой процедил:

— Чего зубы скалишь? Погоди, дай сойти на берег, я посмотрю, как ты от этого сволочного мошкарья будешь отмахиваться.

— Не впервой. Стерпится — слюбится, — спокойно отвечивал толстокожий Севрюк.

Меж тем народ, завидев подошедшие кочи, побросал работу, другие дела, высыпал на берег, столпился у причала, загомонил, засудачил, высматривая знакомых, друзей, родных. Встречающие, конечно же, сразу по стягам узнали, что идут к ним военные корабли архангельского воеводы, потому незаметно для себя внутренне и внешне подтянулись, посерьёзтели.

— Ну как, Василий, не осрамятся твои ребята? — подначивал теперь помощника Афанасий.

— В чём это? — прищурился Василий, будучи всегда горой за своих поморов.

— Понятно в чём. Когда чалиться зачнём?

— Нашёл чего. Смотри, волна слаба, берег не размыт, воду стережёт крепко. Причалимся! Как по маслу пойдёт. В лучшем виде сработаем, — ответил весомо Василий. — Мои ребята, господин воевода, не осрамят твою честь.

— Чалиться-то некуда. Причал весь занят... — незлобно подразнивал Тучков.

— К чужим бортам притрёмся. Как ушлый жених к невесте подъедем, — бесшабашно ответил кормщик. Сам в преддверии предстоящей схватки напряжился, весь взведённый, наполненный задором и бурлящей через край силы.

Причалили и правда ловко, даже красиво. С бортов чужих кочей неслись хвалебные возгласы, с них же по команде полетели концы чалок, чалки приняли без потерь, притянули к бортам и тут же развели судна, чтоб не бились друг о друга, чтоб не тёрлось дерево о дерево, не задирались чтоб и не рвалась обшивка. С кораблей по привычке перебрасывались солёны-

ми шутками, прибаутками, спешили узнать о знакомых, родных, делились новостями.

— Господин воевода! — окликнул с берега Афанасия стрелецкий десятский из Обдорска Тимофей Глазов, выделяющийся из толпы высоким ростом и крепкой статью, он махал рукой, широко улыбаясь, рядом с ним, тоже размахивая руками и белозубо улыбаясь, стоял Фёдор Устюгов, присланный из Тобольского приказа.

Афанасий поправил пояс с прицепленной саблей, заломил чуть набок шапку и первым ступил на скрипучие, почерневшие доски причала. Он пожал руку Фёдору, потом Тимофею, затем крепко обнялся и расцеловался по очереди с обоими.

— Как добрались до наших мест? — спросил Афанасий, обрадованный встречей.

— Всё удачно, почти без потерь. Обдорск стоит. Тебе есть письма от тамошнего воеводы. Здесь тоже обжились. В Нейтинских озёрах встретили весну. Нарыбачились вволю, рыбки наелись на всю жизнь, — первым ответил Тимофей.

— Что у тебя, Фёдор? Какие новости? — повернулся Тучков к Устюгову.

— Тоже неплохо, — бодро сказал тот. — Тоже имею письма от тобольского воеводы. Под печатью.

— Понятно. Ну что же, ведите куда надо, — окинул взглядом стан Тучков. — В юртах обосновались?

— Конечно, — удивился вопросу Фёдор. — Мы ведь по зиме добирались. Без юрты не обойдёшься — холодно. Останавливались там, где река плавуна натаскала. Очаг в юрте разведешь — и тепло, как дома. И здесь их легко обжили, они привычные. На край, конечно, и без них обойтись можно. Нам не привыкать.

— Понятное дело, — согласился Афанасий, — бродяги есть бродяги. Наслышаны про вашу удаль. Рыбалкой, а ещё чем занимались, пока мы не пришли?

— Деньгу заколачивали, — первым ответил Тимофей. — Помогали купцам кочи и грузы перетаскивать. Они деньгой не обидят. Да вон они сами к нам спешат. Услышали, что воевода приехал.

Действительно, навстречу Тучкову и его

свите степенно шли купцы, впереди — иноземные, чуть позади — наши, приблизившись, разом стянули шляпы и склонились в поклоне. Тучков ответил им тем же. Многих он знал по прошлым годам совместных походов в Мангазею, среди них были и неизвестные, что радовало — торговля ширилась.

— Здравствуй, господин воевода, — выступил вперёд хорошо знакомый английский купец Джеймс Коллинз. Тот, на кого после пыток указал монах Козьма как на врага. Джеймс Коллинз стоял как ни в чём не бывало, держа шляпу с перьевым плюмажем в руках и дружески улыбаясь.

— Здравствуйте, господа купцы, — твёрдо, без улыбки ответил Афанасий. Знал он: с иноземцами нельзя расслабляться, положишь палец в рот — руку откусят. К тому же сразу пришли на память слова Тар Ямала, сказанные во время камлания: «Бойся Джеймса!» После этих слов Афанасий приказал найти и доставить к нему монаха Козьму. Тучков как бы к месту на днях вспомнил, что тогда, по зиме, на торге в Москве его выслеживал весьма похожий на Козьму муж.

Козьма не успел далеко уйти, его быстро нашли, схватили и доставили в стан на Чумовой. Афанасий велел привести его на большой коч, там под пыткой Козьма признался, что завербовал его ещё в Москве Джеймс Коллинз, английский торговец. Велел следить и докладывать о каждом шаге воеводы архангельского. Велел в походе сеять смуту среди мореходов, разрушать дружбу и торговлю с местными. Чем, собственно, за большие деньги и занимался продажный Козьма. Афанасий повелел довести до мореходов, казаков и стрельцов весть о предательстве монаха и приказал казнить его через повешение на рее и не снимать два дня, чтоб другим неповадно было. Суровые шли годы!..

Сейчас Афанасий стоял перед купцами и думал, что делать с Джеймсом, как-никак английский мореплаватель, торговец, подданный самой могущественной на то время морской державы, в то же время лазутчик, враг Московии.

— Господин воевода, просим быть нашим гостем, — меж тем приглашал к себе его

Джеймс. — Нет ничего лучше, чем беседа за накрытым столом.

— Гостем быть не могу, — сухо ответил Афанасий. — Дел накопилось неупрочот. Как закончу с ними, прошу по одному ко мне в юрту. Там и побеседуем.

— Хорошо, — вынужденно согласился Джеймс. — У нас, собственно, один вопрос, хотим поговорить относительно дальнейшего плавания в Мангазею.

— Я сказал: попозже, — отрезал Афанасий, зло закипало внутри, а он всё не находил решения относительно судьбы Коллинза. Перегнёшь палку — жди непонимания, а то и нагоняя от самого царского двора. Повернулся к своим и не удержался, зло прорычал: — Ну что встали, ведите в свой чум.

— В юрту, господин воевода. Чумов нет, — робко напомнил Тимофей.

— По мне один чёрт, что чум, что юрта, лишь бы комаров не было, — рявкнул Тучков. — Чую, дымком несёт. Травили, знать, эту тварь? Вытравили?

— А как же! Всех — за порог, еле ноги унесли. Без дыма тут каюк. Юрта большая, пока всех вытравишь, сам дыма нахватаешься до рези в глазах, — будто оправдывался Тимофей.

— Большая-то большая, да не очень пригодная, — вроде как успокоился после вспышки гнева Тучков. — Войлок при здешней погоде не совсем го́ж, намокает, сыреет, преет. Оленьи нюки у самоедских чумов куда пригоднее. Не так ли, Тимоха?

— Зато зимой теплее! — голос Тимофея стал веселее. — Вот придёт зима, тогда увидите.

— Больно рано о зиме заговорил. До неё дожить надо, — махнул рукой Тучков.

— Лишь бы не поздно было, — хохотнул Фёдор и приласкал бежавшего рядом Полкана, успешного сбежать с корабля и найти в толпе хозяина.

Переступив порог шатра, Афанасий поискал глазами икону, не нашёл и ступил внутрь.

— Где иконы у тебя? — спросил строго, поднеся руку ко лбу. — Ты что, безбожник?

— Помилуй бог! Вон за занавеской, — указал Тимофей на кусок ткани, натянутый вдоль стены.

— Иконы открытыми должны висеть, ликом

к входящим, — строго отчитал Тучков Тимофея.

В юрте возле самого входа и по всей площади пола были настланы сплошняком доски, посредине, как и в чумах, выложен очаг, вокруг него разбросаны оленьи шкуры и несколько потёртых ногойских кошм. Приятная прохлада и полумрак царили вокруг. От недавно горевшего очага терпко пахло дымом, над очагом висел котёл.

— Ты дверь-то открой, не видно ни черта после дневного солнца, — попросил Афанасий, усаживаясь за небольшой столик.

— Комары ползут. Может, свечи запалить? — предложил Тимофей.

— Не надо, вроде попривык уже. Скажи своим, чтоб есть принесли, да к делу давай, — распорядился Афанасий и скрестил руки на столе.

— В Тобольске хотят епархию открыть, — встрял в разговор Фёдор. — Сибирь же под руку томского воеводы отдать, — продолжил он далее с новостями, принимая одновременно из рук вестового чаши с холодной ухой и расставляя их перед Тимофеем и Афанасием.

— Про епархию, конечно, важно, — остановил его Тучков, — но давай про неё опосля и с толком. Сначала о мирском. Набрали ли вы людей, где их оставили? Пригнали ли лошадей? Вот что главное! В Тобольске нет ли какой болезни, сюда не завезли ли?

— С людьми, с лошадьми всё в порядке, — с расстановкой держал ответ Тимофей. — Оставили в верховьях Зелёной, у озера Ямбу-то, прямо у волока, там обустраиваются. Кров для себя, конюшни и корма для лошадей готовят. Что касается Тобольска, там всё вроде ладно, болезней, хворей, каких других напастей нет. Я другого боюсь: появятся здесь самоеды, как бы копытку или сап со своими оленями не завезли...

Тучков согласно кивнул головой и отдал приказ:

— Сделай загон хороший, чтоб лошадей к оленям не пускать, не смешивать. И всё в порядке будет. Для людей — бараки тёплые, ну, избы длинные надо. По берегам моря, рек лесу выброшенного полно, его свозить и из него строить. Лесу, я чувствую, нам в эту зиму без

меры понадобятся. Во-первых, для строительства острожка, складов и прочего. Острог-то будем не здесь, а в устье Зелёной ставить. Там сподручнее, незаметно, мимо нас в Мангазею никто не пройдёт, вся Губа как на ладони. Там и таможенную поставим, — вслух рассуждал воевода. — Во-вторых, для строительства канала. А то сплошь мерзлота, её одним кайлом не возьмёшь. Растоплять придётся, вот где лесу потребуется — горы. Везти не перевозить. И не один лес надобен, жир тюлений, моржовый, он и в дождь и холод хорошо горит. Его запастись надо, и чем больше — тем лучше. Ты о копытке заговорил... Что, есть заражённые олени стада поблизости?

— Нет, не слышать. Бог миловал, — успокоил Тимофей.

— Тогда зря не чеши языком, а то беду накличешь. Ну что сидишь, давай ложки, ушицу хлебать будем. Ни крошки с утра во рту не завалялось. Заварзин одной копчёной рыбой потчует, закармливал уже — воротит. Кстати, где он, куда сбежал, с нами ведь шёл? — встревожился Тучков, вспомнив про соратника.

— Пошёл укрепления смотреть, о безопасности беспокоится. Да кто тут на нас налетит, — беспечно махнул рукой Тимофей. — Некому. Самоеды, что ли? Так кишка тонка.

Но Тучков не успокоился, помнил, что бережного Бог бережет. Сказал:

— Правильно делает. Вы тоже близко к причалу шатры разбили. Вас любой иностранец из пушки в два счёта расколошматит. Надо их подальше от причала отодвинуть.

— А корабли что, без присмотра оставить?

— Зачем. Поставить караул, чтоб и ночью и днём глаз не спускали. Никого, особенно к пушкам и зарядам, не пускать без особого на то моего или старшего кормщика распоряжения, — твёрдо отчеканил Афанасий.

— Подальше — понятно, а отчего шатры в стороне, зачем от людей отбиваться? — задал вопрос Фёдор, далёкий от военных дел.

Тучков нахмурился:

— Чтoб чужого за версту разглядеть: как он идёт, куда, с каким намерением. И требовать, чтоб посторонние не шлѣлись рядом с нашими судами, особенно рядом с грузом. Я зачем усиления охраны и порядка требую? Стало

нам известно, что среди иноземцев есть враги, недоброжелатели, которые спят и видят, как бы наши отношения с самоедами и прочие дела испортить.

— Не очень строго ли? — попробовал сказать Тимофей. — Люди соскучились друг по другу, особенно те, кто с нашими купцами промышляют. Есть среди них родственники, односельчане...

— Я разве против свиданий, встреч, обмена? — голос Тучкова стал мягче. — Надо разболтанности не допустить. Особенно среди казаков, стрельцов, этим ребятам только дай волю. Дисциплина прежде всего. Особенно это тебя, Корней, касается, у тебя в подчинении они, — напомнил он Заварзину, только что вошедшему с улицы в шатёр.

— Может, ты и прав, тебе видней, — согласились помощники с доводами Афанасия. — Раз нужен порядок, будем добиваться. А почему вина нет на столе? — возмутился Фёдор.

— А можно? — покосился на воеводу Тимофей.

— Сегодня можно, — согласно кивнул головой Афанасий. — За встречу полагается.

Выпили по ёмкой чарке доброго вина, закусили и опять к делу. Фёдор нырнул в закуток, открыл замок сундука и принёс кожаную суму со свитками опечатанных бумаг, вытащил кипу и начал объяснять:

— Вот этот — от обдорского воеводы, эти два — от Тобольского приказа.

— Это что? — прежде всего заинтересовался Афанасий двумя отложенными в сторону бумагами.

— Это от подьячего из Тобольского приказа, — пояснил Тимофей.

— Ну и чего тянешь? Говори, что там подьячий? — не терпелось Тучкову.

— Тебя обрадовать собиѣрлся, вот и растягивал удовольствие. Подьячий-то не кто иной, как твой брат Тучков Бажен Тихонович, от него и грамота, — лукаво улыбнулся Тимофей.

— Вот это да! Надо же, не ожидал, — несказанно удивился и обрадовался Афанасий. Братья-то не условливались, что старшой в Тобольск подастся. — И ты что же, с ним виделся?

Тимофей, довольный реакцией Афанасия, засиял:

— Мало виделся, жил у него с зимы и до самого отъезда. На второй день по приезде в город познакомились. Он меня сам признал, по твоим словам, видать, определил. Отозвал в сторону и стал расспрашивать о тебе, о наших совместных делах. Я-то сначала, поскольку он не назвался, всё вокруг да около водил. Чёрт его знает, что подячему этому надо. Может, сведения пакостные против тебя собирает, изжить хочет. Он увидел, что я в кошки-мышки играю, и открылся, что он брат твой. Тут уже легче стало, я вздохнул свободно и рассказал ему, что знал о тебе. Всё, конечно, что можно. Потом уже, когда стал жить у него, ещё ближе сошлись, о многом и разном толковали, особенно о пользе задуманного вами дела, то есть канала на месте волока.

Обрадованный вестью от брата, Тучков расслабился и заулыбался:

— Он с семьёй в Тобольске?

— Да, даже дворню с собой привёз. Его по царскому указу туда направили, и, вероятно, надолго. Полномочия большие, даже дела самого губернатора и его ближайших подопечных велено проверить. В последнее время, видишь ли, резко сократились поставки пушной рухляди из Тобольска. Есть подозрения, что воруют, в казну царскую руки запустили. Брата-то твоего сильно там боятся, но и он под огнём ходит. Могут и порешить, если что.

— Во-она как!.. — протянул Афанасий и усмехнулся. — Но ничего, у нас, Тучковых, заваска крепкая, нас запугать не просто. Думаю, выдюжит. Насчёт девки сенной Аглаферы ничего тебе он не сказывал? — спросил как бы вскользь Афанасий, а сам неожиданно для себя покраснел.

— Как же, как же, сказывал, — Тимофей понизил голос, придав ему особую доверительность. — Отвёл от глаз чужих подальше и передал. Скажи, мол, брательнику, что Аглафера, девка его, с нами, ждёт его не дожждётся, все глаза проглядела. На других парней и не заглядывается. По просьбе самой Аглаферы начал де он её грамоте учить. Скучает она, видишь ли. Хочет сама письма писать и с попутными, если таковые будут, отправлять.

— Вона как! — воскликнул от полноты чувств Афанасий и призадумался: «Я-то хоть и час-

тенько мыслил о ней, а насчёт писем не подумался. Коль так, то надо обязательно написать и вместе с братовыми отправить», — только подумал о любимой, она тут как тут перед глазами встала: сочная, крутобёдрая, с грудями наливными, как яблоки, этакая краса-девица, каких поискать. Вслух же спросил про другое:

— Что с наследниками у Бажена, они вроде о пополнении мечтали?

— Трое у них теперь.

— Трое, во даёт! — ахнул от радости за брата воевода. — Когда я на Москве заезжал к ним, то только один числился. Молодец Бажень! Ай да брат! И баба его лихая, неуж сразу двойню родила?

— Так и есть, сразу двух девок принесла, — подтвердил Тимофей.

— Девоч... — чуть замешкался воевода, но тут же добавил: — Ну, всё равно, молодец баба!

— Ты погоди хвалить её, — осадил его Тимофей. — Бажень жаловался, да я и сам видел, она власть в семье целиком к своим рукам прибрала. Бажень-то по натуре мягкий, она и пользуется. К тому же из высокого дворянского рода она, не в пример вам, поместным, козыряет этим. Она, видишь, собирается твою кралу замуж выдать. Мужика ей подыскивает. Афоня пускай, мол, себе ровню ищет, из дворянского рода жену берёт. Нечего с простолюдинками-де связываться. Так что тебе туда ехать надо, разбираться, а то упустишь девку, отдадут насильно, потом покусает локти.

Лицо Тучкова побагровело, на виске забила жилка, он изменился в лице.

— Это надо же! Ну, стервь! Никогда бы не подумал. Коварная!.. — со злостью сжал кулаки Афанасий. — При мне такая шёлковая, а тут что завыкидывала, воле мужика своего, моим желаниям перечит. Придётся точно ехать туда, на место ставить. Как только улажу здесь всё, так и выеду. Это надо же, что творит! — не мог Афанасий успокоиться, нервно ходил по шатру из одного конца в другой, сверкал глазами, ругался про себя: «Уеду, а здесь кого оставлю? Она же, гадина, не думает, что делу нашему вредит, палки в колёса ставит», — походил, пометался, мал-мал успокоился, спросил: — Ну а у самого Бажена как дела? Уличил кого? Вывел на чистую воду?

— Ты горяч больно. Он же только приехал, но по нему не скажешь, что дело на месте стоит. Значит, движется, хотя сразу скажу, что козней достаточно, они же там все местные, сплочённые, не так-то просто этот улей раздать. Он не робеет, из Москвы в подмогу ещё выпросил нескольких проверяющих. Добьётся своего, всех на место поставит, ваша кость — Тучковых, — твердо ответил Тимофей.

Афанасий вроде чуток успокоился.

— Это верно. Бажен с детства с головой дружил и упорным был. Если цель поставит, то обязательно добьётся. С бабой вот только подкачал — волю ей большую дал.

— Бажен с письмом старинную церковную грамоту тебе передал, для себя сделал с неё список. Она-де тебе интересна станет, особенно если ты в мангазейские земли собираешься. Он и мне дал её почитать. Она о том, кому на ум пришло град Мангазею закладывать. Что вроде как Филарет, отец нынешнего царя, к этому руку приложил. Само слово «Мангазея» якобы от слова «магазея»⁴ тоже он придумал, вероятно, собирался в ней амбары и лавки держать для торговли и хранения пушной рухляди. А я слышал, что названа она так в честь местного племени под названием «мангазеи», они будто стояли ранее в верховьях Таза. Теперь на том месте настоящий богатейший град вырос, впрочем, ты это и без меня знаешь, правят им, для меня непонятно почему, аж два воеводы. Известно, что два медведя в одной берлоге не уживаются. Так и тут, воеводы мангазейские друг с другом мирно не живут, ссорятся. Этого ты не знаешь, а знать должен, когда пойдёшь с ними договариваться. Есть в грамоте отрывок весьма интересный и спорный.

— Где, ну-ка прочти, — живо заинтересовался Тучков.

— На севере за Югорской землею, у Мангазейского моря живут люди самоедь, зовомыи мангозеи, — с охотою взялся за чтение Фёдор. — Вот видишь, я же говорил, откуда пошло название града, — довольно проговорил он. — «Ядять оне мясо оленое, рыбу, да межи собою друг друга ядять. Гость к ним откуда прииде, оне яго ядять, съядять яго, кости в землю не хоронют, или умрёт в неволе кто, своих також

не хоронют. Сии людя не велики, плоски лицом, носы малы, но до речи вельми охочи и стрелки споры и горазды. Ездить на оленях и на собаках, платье из оленых шкур носят, торг ведут песцом и соболем».

— Ладно, хорош, остальное опосля прочтём. Есть поважнее дела, — остановил его Афанасий. — С писем начнём. Ты посиди пока, я прочту, вдруг вопросы появятся.

Он в первую голову сорвал печать с письма обдорского воеводы, быстро пробежал глазами по тексту, хмыкнул удовлетворённо, взялся за второе. За час с небольшим просмотрел всю почту. Везде и всюду в помощи и содействии его делу пока не отказывали. Он от удовольствия растянул рот до ушей и задорно взбил шапку на затылок. Ещё бы, не зря же он все грамоты, отсылаемые воеводам, царским повелением заверил. Прихватил несколько писем с собой, намереваясь прочитать их повторно и более внимательно, и вышел с помощниками наружу.

— Ну, куда мой шатёр поставили? — спросил Фёдора, зорко осматривая место разбивки лагеря.

Вновь прибывшие с ним люди заканчивали устройство нового стана. Те, кто прибыл раньше с купеческим караваном, сустились около большого коча, облепив его, как муравьи, занимаясь разгрузкой.

— Что, тяжёл коч? Чей он? — спросил Тучков, разглядывая тяжело груженный коч.

— Железа купец Захарий загрузил под завязку, пожадничал. Из-за него, говорят, весь караван буксовал, еле полз по морю, — пояснил Тимофей.

— Мог и затонуть.

— Мог, — согласно кивнул головой Тимофей. — Кто не знает жадности купеческой! Беспредельна она. Кормщик тоже хорош. Купец ему дал вдвое больше, он и жабу распустил, ум потерял, согласился корабль перегруженный вести.

— С купцом и кормчим понятно, на заметку их. Ты мне вот что скажи, чего иноземцы хотят? Мне бы заранее их думки знать не мешало... — выяснял Тучков про чужаков.

— Они ждут не дожудут твоего разрешения и нашей помощи в перевалке через волок из

озера Ней-то в Ямбу-то. Разрешим, поможем, как ты смекаешь? — вопросительно посмотрел на воеводу Тимофей.

— Не торопи меня, — сурово ответил воевода. — Я с каждым из них беседовать отдельно буду, каждому дам задание, а уж тогда посмотрим. Ты что, уже предварительно столкнулся о волюке с ними? Так, нет?

— Так, — виновато склонил голову Тимофей.

— Наперёд батьки в пекло лезешь. Кто просил?! — рявкнул Тучков. — Ты давай не своевольничай. Начальник один здесь, он царём поставлен. Давай отбой, — хлопнул его тяжело по плечу Афанасий, Тимоха аж присел. — Ну-ка, пошли обратно в шатёр. Ты вот что, Тимофей... — не мог простить своеволия Афанасий, добавил строго, войдя в юрту: — Ты хоть и друг мой, но впредь такого не допускай. На корабле капитан один. Ясно?

— Ясно, господин воевода. Впредь не повторится. Я ведь не знал о твоих планах и предполагал, что вы ещё не скоро придёте. Только в твоё отсутствие и позволил...

— Ладно, замнём, — смягчился воевода и продолжил расспросы: — Какие ещё новости из Тобольска или больше нет ничего?

— Не знаю, заинтересует ли тебя, но перед самым нашим походом стало известно, что в Тобольск сослана княгиня знатного рода Марья Ивановна Хлопова. Княжну до того обручили с Михаилом Романовым. Всё вроде шло путём, и вдруг подписали указ о её высылке в Сибирь, в далёкий Тобольск. Вместе с нею подверглись выселению и её родственники.

— Чем же она провинилась? — дивился Афанасий. — Не соблюла девичью честь?

— Нет, с этим строго. Занедужила она. Не беременела, — негромко ответил Тимофей.

— Причина серьёзная... — покачал головой Тучков. — Царю нужны наследники, причём здоровые. На кого же теперь опустилась милость божья?

— Говорят, на княжну Долгорукову, вроде как сам царь на неё свой взор оборотил. И ещё одна неприятная новость есть. Говорить, не говорить? — замялся Тимофей.

Афанасий сурово зыркнул на него:

— Я тебе что, красна девица, вопить от неприятности начну? Ну, что за неприятность?

— Жив якобы Воронёнок — сын Марины Мнишек...

— Да полно тебе, его же принародно казнили, — не дал договорить Тимофею воевода.

— Говорят-де, другого казнили, а его успели спрятать, — развел руками тот. — Скрывался у днепровских казаков. Сейчас якобы живёт в Бресте при монастыре иезуитов.

— Враки! — рявкнул Тучков. — Не верю! Любит наш народ распускать слухи и сам в эти слухи верить. Что ещё говорят, пишут?

— Вот ещё новость, это уже хорошая и достоверная. Филарет вернулся из польского плена.

— О-о! — протянул Афанасий. — Вот это действительно новость так новость. С неё и надо было начинать. А наша матушка-кормилица где? Как поживает?

— Матушка опять в монастырь ушла, теперь есть кому сына направлять, оберегать.

— Храни её Господь! — троекратно перекрестился Афанасий. — Теперь в нашем государстве всё по-другому пойдёт. Как-то на наших делах это отразится? Неизвестно ещё.

— Нам-то что из того? — развёл руками подошедший к говорящим Фёдор. — До Бога — высоко, до Москвы — далеко.

— Экий ты недалёкий. Вот прикажу плетейсыпать, будешь знать, как языком сорить. Филарет в кознях, заговорах силён, что касается дел государственных, то тут ещё посмотреть надо. Возьмёт и вообразит, что мы зря деньги на канал тратим, и прихлопнут наше дело в один присест. То-то! А ты: что нам до него. Ладно, будем надеяться на лучшее. Что у тебя ещё? Давай быстрее всё выкладывай. Мы просеивать будем, отделять зёрна от плевел.

— У меня... У самого есть кое-чего, — замялся Фёдор. — Я это... Не знаю, как сказать. Ну, словом, жениться хочу, — наконец выпалил он.

— Жениться — дело доброе. Жениться не напасть, как бы самому не пропасть. Женись, коли хошь. Что же тут плохого?! И на свадьбу не забудь позвать.

— Так и зову. Будьте посаженным отцом, господин воевода, — попросил Фёдор.

— Обожди, жених, — умерил пыл Тучков. — Ты что этим сказать хочешь, свадьба здесь намечена, стало быть, и невеста здесь? Здесь, значит, и жить собираетесь?

— Так точно, господин воевода. Здесь, — снова опустил голову Федор, будто стесняясь.

— Вот это «добрая» новость, — от недоумения Тучков округлил глаза. — Ну, «угодил». Ты что, детинушка, опупел вконец? Мы здесь сами пока никто, ни кола ни двора у нас. Известно, что завтра с нами станется, места необжитые, неизвестные: жилья нет, замёрзнем в снегах, от цинги перемрём либо чужеземцы местных подговорят, объединятся и нас перебьют. Живём словно на пороховой бочке. Неуж ты нюх потерял, не чувствуешь, что мы в чужом краю? Я не думал, что мой самый близкий помощник такой простофиля, — разочарованно проговорил Афанасий. — Так вот слушай, данной мне властью приказываю: никаких баб, никаких невест до тех пор, пока не поставим острожек на Зелёной, пока канал не выроем. Пойми меня, Фёдор, верно: пока сами не обустроимся, не обживёмся — никаких семей, никаких женщин здесь не должно жить. Словом, обвенчаётесь, и мы её попутным кочем — в Архангельск, вместе с девкой из братства сихиртя, что нам их вождь всучил или подарил, что правильной — бог знает. Я не ведал, как её, куда пристроить, уже хотел на Ивашке женить. А тут ты со своей кралей поспел. Пускай твоя невеста её в Архангельск везёт, пригляд за ней там устроит. Денег им на жизнь дадим, не обидим. А, Фёдор? Я тебе не рассказывал, девка-то под землёй жила, дикая, нашей жизни совершенно не знает. Она-то тут ни при чём. У них, у сихиртя-то, всё племя так, под землёй полжизни проводят, в норах, в пещерах живут. Вылазят на рыбалку да на охоту, воздухом свежим подышать. Я тебе на досуге подробно об них расскажу. Насчёт женщин, согласишься, так лучше, как я велю.

Федор молчал, понимая, что Тучков прав.

3. Каналу — быть!

Уже на следующий день снарядили отряд для разведки водораздела между озёрами Ней-то и Ямбу-то, чтобы изучить рельеф местности и грунт на месте существующего волока. Задача, поставленная воеводой Тучковым, состояла в том, чтобы предельно рельеф-

но и поглубинно изучить и разметить на местности трассу будущего канала. Также проложить её по наиболее короткому и наименее трудоёмкому для рытья пути, что значило задействовать для канала такие участки и места, как русла заросших рек, ручьёв, стариц, озёр, где либо нет мерзлоты, либо она находится в вялом, легко разрабатываемом состоянии.

Отряд не мешкая ушёл на задание под командованием Фёдора Устюгова — опытного бродяги, путешественника. Федору в помощники дали самого башковитого кормчего Ивана Иванова, который умел читать и рисовать морские карты, маршруты морских путей, береговых отмелей, схемы вновь открытых земель. Федору также выделили двух замерщиков — землекопов, для отбора грунта по оси и глубине канала. Описанием и определением вида грунта занялся сам Фёдор, который, будучи в Обдорске, занимался такими делами при закладке фундаментов церквей. К отряду приписали двух лошадей с конюхом для транспортировки людей и оборудования: рыла, кольев, вешек, реек, кирок, пешней и прочего инструмента. К отряду, кроме того, причислили самоеда с семьёй и упряжкой оленей с двумя нартами: грузовыми и ездовыми. В обязанности самоеда входило ставить и перетаскивать чум для ночлега и отдыха людей, снабжать отряд мясом, рыбой и выполнять прочие хозяйственные работы.

Севрьюку поставили другую, не менее важную задачу: снарядить пару боевых кочей, в том числе из оставшихся на Зелёной, и вплотную заняться промыслом моржей, тюленей, малых китов, белых медведей для заготовки жира. В количествах неоговоренных, но существенных, по принципу: чем больше — тем лучше. Как уже говорилось, жир собирались использовать для улучшения горения деревьев при растоплении мерзлоты по трассе канала, ну и для бытовых нужд тоже.

Заварзину, его казакам и стрельцам вменялись в обязанность охрана лагеря и организация гужевого транспорта и оленьих упряжек самоедов для сбора и привоза на трассу канала плавника, леса с берегов рек, речушек, ручьёв, озёр, стариц — словом, со всех доступных мест острова.

Тимофею Глазову поставили задачу переправлять по волоку грузы и корабли, в том числе и иноземные, но за корабли не сразу браться, хотя в Ней-то скопилось их больше некуда.

— Сначала, слышь, Тимоха... — толковал Глазову Афанасий. — Я уже говорил тебе, что буду сначала говорить с каждым купцом в отдельности, каждому давать задание, а уж после его выполнения ты за своё приступай. Что ты на меня вылупился, каждый, невзирая на происхождение, на чин, должен отработать на канале положенное, поскольку каждый опосля будет им пользоваться. Понял?

— Как не понять, — видимо, за ночь хорошо поразмыслив, уже по-другому начал рассуждать Тимоха. — Ты, как всегда, прав, только таким путём мы сможем достичь цели. А то, что задача сложная, трудновыполнимая, дураку понятно.

Тучков по-доброму усмехнулся и хлопнул Тимофея по плечу:

— Молодец, Тимоха, крупно мыслишь. И вот ещё что: Джеймсу Коллинзу, их главному, передай, что его принять не можем. Что путь в Мангазею для него закрыт. Он должен в двадцать четыре часа покинуть остров Ямал и вообще нашу страну. Я уже говорил, что он супротив нашей державы шпионил и занимался подрывной деятельностью, вот и поплатился. Поскольку он в России представлен ещё и как посол, мы его арестовать не можем, а выслать — всегда пожалуйста. Хотя вообще-то его мало на кол посадить, — гневные искорки мелькнули в глазах Тучкова. — Остальных давай сюда в шатёр, и по одному. Ломиться толпой станут — поставь пару здоровых стрельцов на входе, а лучше четверых — с внутренней и внешней стороны шатра для солидности и острастки. Надёжней чтоб.

Спустя время, когда подготовили шатер, первым в него ворвался раскрасневшийся от гнева английский купец третьей гильдии Ившто Бранец

— Как это пониматьф, гасподин воевода! — кричал он. — Намс стало известноф, дошлис разговоры, что нас задержатьс. По какому такому праву-с?

— Намереваюсь и задержу, — твёрдо отчеканил Афанасий. — По праву, данному мне царс-

кой властью, самим государем Михаилом Романовым. Он повелевает каждому, невзирая на сословия, чин и страну обитания, оказывать мне всяческое содействие и помощь при строительстве и прокладывании морского пути из Москвы в Мангазею. Всем: купцам, мореходам, прочим людишкам — придётся отработать на строительстве канала, связывающего три Нейтинских озера: Ней-то, Ямбу-то и Луце-Хавы-то, — спокойно толковал Тучков. — Канал заменит волок, и нам, и вам в дальнейшем не придётся здесь торчать месяцами, ждать, когда вас перетащат. Вы тоже сможете ходить в Мангазею и дальше — в Сибирь не раз в два года, а ежегодно. Понятна выгода? Коль понятна, то вот ваша и других купцов задача: каждому необходимо доставить на берег озера Ней-то два полных судна сухого леса.

Англичанин живо смекнул свою выгоду, но вкладываться в общее дело не спешил. Он картинно вытаращил глаза и развел руками:

— Помилуйте, гасподинс воеводаф, где мы его возьмёмс?

Тучков и бровью не повёл, не теряя равновесия, ответил:

— По берегам рек, озёр, морей полно выброшенного волнами, течением плавника. Оттуда и возьмёте.

Англичанин пытался протестовать.

— Но мы жес стоим с грузомф. Как с ним бытьф? — развел он руками.

Тучков тоже развел руками и обреченно улыбнулся:

— Надо так надо. Разгружайтесь и договаривайтесь с моим помощником Тимофеем Глазовым о его переброске на берег Ямбу-то.

Бранец визгнул, раскраснелся еще больше, на виске его запульсировала жилка.

— А не кажется вам, гасподинс воеводаф, что это произвол! Мы будем жаловаться через своих послоф самому царскому величеству. Вы не имеете правас...

— Имею! — хладнокровно осадил чужака Тучков и развернул на столе свиток. — Вот царская грамота, если моих слов недостаточно. Она подписана самим царём Михаилом Романовым, — подал он свёрнутый в трубку лист. — Ну! Убедился? — через несколько минут спросил Афанасий у купца. — Что же те-

перь — жаловаться царю на царя? — усмехнулся воевода. — Ха-ха! Так всем своим и передай, — тут уж насел на купца Афанасий, не стал больше церемониться: — Тот, кто первым выполнит задание, того вперёд всех и переташат, тот первым уйдёт в Мангазею. Тот, кто задумает хитрить и уйти проливом около Белого, тот будет схвачен и примерно наказан. Для сведения знайте: пролив заторочен льдом, его пройти сейчас невозможно. Кроме того, в устье Зелёной нами поставлена застава так, что ни один корабль мимо не прошмыгнёт. Остановят и арестуют, и тогда вам мангазейских торгов не видать как своих ушей.

Тучков помедлил с минуту, Бранец переваливал услышанное.

— Всё ли понятно господину негоцианту? — с иронией спросил воевода и сам ответил: — Всё, тогда за работу. И ещё раз прошу: объясните доходчиво своим людям нашу цель. Если же кому-то непонятна она, прошу к нашему шалашу.

И пошла работа, закипела, забурилась стоянка. Афанасий сам во все дела вникал, контролировал, подгонял, торопил, если нужно было, заставлял переделывать. Через две недели маршрут между озёрами под руководством Фёдора был изыскан, начерчен на карте и вынесен на местность. Длина волока оказалась не такой уж и великой (менее четырёх миль), к тому же в середине перешейка, как уже говорилось, расположилось маленькое, достаточно глубокое озеро Луце-Хавы-то. В переводе — «озеро умерших русских». Озеро-то действительно небольшое, с виду спокойное, мирное, но временами как будто кто подменит его: разбуянится, рассвирепеет, начнёт всё, что по его хребту ползает, переворачивать, топить. Так и потопило как-то раз всё тех же ушкуйников — бандитов новгородских, воздав им, видимо, по заслугам. Так вот маршрут протащили через него, что уменьшило объём земляных работ вместе с найденными заросшими руслами рек чуть ли не на четверть. Сразу же, пока зима не нагрянула, растоплять землю начали, жгли деревья, обмазанные жиром, разложенные строго по оси канала, долбили растаявшую мерзлоту пешнями, грузили в тачки и отвозили её, укладывая прямо на берег канала.

Афанасий, как только увидел, что дела наладились, идут бойко и уже не требуют его повседневного вмешательства, переправился вместе с кочами в устье Зелёной, чтобы там тоже взяться за организацию строительства острожка, таможни и посёлка. Зима уже стучалась в двери, прихвачивала морозцем пятки, пора было подумать об устройстве жилья для людей, остающихся с ним на зимовку. Заложили два барака из брёвен, срубили большую конюшню для лошадей, соорудили загон. За загоном поставили несколько стожков сена, рядом же уложили выброшенные волнами копны сена. За загоном, чуть в отдалении, ненцы поставили пять чумов, в которых проживали присланные Тар Ямалом пастухи оленного стада.

Посёлок поставили недалеко от Губы, как раз на высоком мысу меж Зелёной и самой Губой. Выбор делал Севрюк, его слушали, поскольку дело касалось жизни кораблей, а корабли для мореходов — как небо для земли. «Корабли, — говорил со знанием дела он, — должны находиться рядом с острожком, на виду у поселенцев». Севрюка в этом отношении прежде всего занимала пристань, её удобства и наилучшие условия причаливания и стоянки кораблей. Он излазил местность вдоль и поперёк и установил, что при впадении реки в Губу есть обширная отмель, заливаемая водой при приливе. Отмель подходила по всем параметрам, она сбивала большую волну при шторме, тем самым оберегая суда при стоянке, корабли в эту отмель легко из реки вытаскивались, а по весне при высокой воде кочи самостоятельно сползли бы в русло реки, а там и в море — в Губу. Стрелецкую заставу расположили рядом с пристанью, вокруг высокого холма, господствующего над округой. На вершине холма монахи, посоветовавшись с Афанасием, решили заложить часовню. Сначала, однако, поставили всё-таки таможню, к ней несколько жилых домов, амбаров и дом — контору для воеводы, таможенников и писцов. Здесь же собирались на утреннюю разнарядку все жители заставы — острожка.

Ближе к ледоставу решили, пока не поздно, сходить в Мангазею. Требовалось заключить договор с обоими воеводами о содействии в

начинаниях мореходов и оказании помощи в строительстве канала меж озёрами. В Мангазее, в быстро и мощно развивающемся граде, как уже сообщалось, было два воеводы. Один командовал городом, другой уездом. Поход в Мангазею также необходим стал для пополнения жизненно важными продуктами на зиму — такими как соль, мука, сахар.

Вышли на двух кочах рано поутру, шли на полных парусах и попутном ветре и уже к полудню пятого дня достигли Тазовской Губы («Тасу-Ям» по-ненецки). Поднялись вверх по Губе, и к вечеру следующего дня на высоком мысу, меж рек Осетровка и Таз, перед мореходами предстала златокипящая Мангазея во всём своём великолепии. В великом граде выделялся своей мощью и основательностью прежде всего кремль, прямоугольником опоясывающий поселение, состоящий из прочной крепостной стены шириной в полторы сажени и высотой в две, сложенной из заострённых вертикальных брёвен. По углам, как и положено, — деревянные из лиственницы четыре башни: Спасская, Успенская, Зубцовская и Давыдовская. В центре кремля выделялись своей красотой и степенностью Троицкий собор и церковь Успенья Божьей Матери, выложенные из красного кирпича. На стенах кремля — вооружённая до зубов охрана из стрельцов. В их арсенале, кроме сабель, мушкетов, пищали — пушки, находящиеся в нижних ярусах бойниц, не менее двадцати штук, из них четыре больших, стреляющих колотым дробом. Кроме того, в арсенале есть и самая большая на то время бомбическая пушка. Ни один губернский город не мог похвастать таким мощным вооружением. Град ломился богатствами, особенно пушной рухлядью, стекающей сюда не только с Ямала, но и со всей восточной Сибири. Было чего охранять и беречь мангазейцам!..

Зашли в устье и, спросив разрешения, причалились. Афанасий, дав наказ своим помощникам отыскать и закупить у местных купцов необходимые съестные запасы, инструменты и прочую мелочёвку, сам вместе с Севрюком поспешил к городскому воеводе, архистратигу Григорию Кокареву. Расспрашивать, где он обосновался, не приходилось, Афанасий по

прошлым посещениям и житию в златокипящей знал, где проживает главнокомандующий на Мангазее. Хоромы Кокарева издалека радовали глаз — пятистенный двухэтажный дом, срубленный из толстых брёвен лиственницы, кряжист и основателен. Диковинные узоры из зверей, птиц, вырезанные на ставнях, ветровых досках, на облицовках массивных дверей, придавали ему весёлости и сказочности.

— Смотри, не иначе как творец Григорий-то, — махнул рукой на узоры Севрюк.

— Сейчас увидим, кто есть кто, — охладил его пыл Тучков. — Я смотрю, он без охраны живёт, никто нас не останавливает, не встречает со взведённым мушкетом.

Поднялись на крыльцо, постучали, вошли в прихожую, а из неё сразу в gridницу⁵, не успели порог переступить, а Григорий с раскинутыми руками уже тут как тут.

— Здравы будьте, гости дорогие. Милости прошу Афанасия Никитича и тебя, Василий, к нашему столу, — указал на длинный, заставленный яствами, вином стол. — Чем богаты, тем и рады.

— Премного благодарны, — не стал отнекиваться Афанасий от приглашения, повернулся к образам Христа Спасителя и святителя Николая, архиепископа, покровителя мореплавателей, перекрестился троекратно, прочёл шёпотом молитву во славу Николая Чудотворца: «О святителю Христов Николае! Услыши нас, грешных раб Божьих, молящихся Тебе, и моли о нас недостойных Создателя нашего и Владыку. Избави нас угодниче Христов от зол, укроти от страстей и бед. Да не обымет нас напасть и не погрязнем в пучине греховней. Душам же нашим дай спасение и волею милость ныне и присно, и во веки веков. Аминь!» — прочитал и не спеша уселся за стол, как раз напротив хозяина. Севрюк, перекрестившись, тоже, но более кратко и более склоняясь к морю, прочёл ту же молитву и сел рядом.

Хозяин поднял ендову, сказал: «За приезд» и выпил, не церемонясь, чашу до дна. Гости только слегка отхлебнули сладкого фряжского вина. Закусили, и Кокарев предложил по второй, но Афанасий положил руку на чашу и отрубил:

— Извини, Григорий, но мы к тебе не гулять

пришли, а по важному делу. Сначала оно, а потом уже, ближе к вечеру, если всё уладится, можно и позволить.

— Коли так, тогда не настаиваю, — не стал уговаривать гостей Григорий. Отодвинул чашу, спросил. — Ну, так что привело вас ко мне? Слушаю внимательно, гости дорогие.

— Прежде чем о деле говорить, — начал не торопясь Афанасий, — спрошу, дошёл ли до вас царский указ о строительстве канала на месте волока на полуострове Ямал, остро необходимого при походах судов из Холмогор в вашу Мангазею. С одной целью — оживления торговли, увеличения оборота товаров и доставки их, особенно пушной рухляди, в стольный град Москву.

— Ходил об том слух, но самого указа мы не видели, — уклончиво ответил Григорий.

— Вот она, грамота. С собой возим, читай, — подал ему свёрнутый в трубку толстый лист жёлтой бумаги Афанасий.

Григорий бережно взял грамоту, развернул и углубился в чтение. Прочёл, свернул аккуратно и подал обратно Афанасию.

— Всё ли прочёл, воевода? — удостоверился Афанасий. — Надеюсь, из прочитанного ясно, что нашему начинанию надлежит оказывать всяческое содействие и помощь.

— Уж куда ясней. Самим ведь царём заверенная и печать царская... Что же, раз надо, будем помогать и оказывать... Увеличение оборота ведь и нашему граду польза. Ещё больше богатеет, расцветёт...

— Что же, мы весьма довольны переговорами, не пришлось тратить время зря, убеждать, уговаривать. Сейчас зима на носу, больших работ не предвидится. Дайте нам пяток человек плотников для строительства острожка и посёлка в устье Зелёной, доски, какая есть, какой надобно. Вот помощник мой, кормщик Василий Севрюк, у него всё посчитано. А уж по весне, когда тепло придёт, нужны будут люди, много людей с лошадьми, обозами, рылами, носилками, пешнями, палатками. Будем всем миром канал копать, строить.

— Сколько людей? Ты пойми, воевода, я не могу город оголить... — осторожничал Кокарев.

— И не надо, — успокоил Афанасий. — Во-

первых, нам только мужики надобны, и то те, что покрепче, поздоровей. Землю рыть, причём мёрзлую, сила, упорство, крепость духа нужны. Предлагаю не очень затратный для тебя и приемлемый для обеих сторон вариант, — подмигнул Тучков. — Беглые же есть у тебя, они огонь и воду прошли. Ты их пригрел, вправе не выдавать закону, вот и пускай твою доброту отрабатывают. Так как?

Кокарев вздохнул с облегчением и улыбнулся:

— Это можно. У меня беглых уже через край, до полсотни наберётся. Отправлю их всех к тебе, пускай отрабатывают — граду, тебе послужат.

— Значит, договорились? — обрадовался Тучков, что дело складывается гладко.

— Мы-то договорились, а как насчёт второго воеводы... — замылся Кокарев. — Он у нас капризный. Был у него, не был? — испытующе взглянул на Афанасия. — Он, если что не по нему, быстро в Москву жалобу сочинит. Притесняют, мол, от дел, царским повелением порученных, отрывают. Пригород строить не дают. И прочее наговорное, что не возрадуешься.

Тучков мотал на ус, запоминал все, что может пригодиться для переговоров со вторым мангазейским воеводой.

— Ясно, спасибо, что предупредил, — поблагодарил он. — Осторожнее будем. У него ещё не были. Сначала к тебе, по старшинству, так сказать. Сейчас вот прямо от тебя и пойдём. Посошок только на дорогу примем и отправимся. Посмотрим, что он ответит.

Выпили мужики на посошок, закусили славно и поднялись уходить.

— Вы там, как разговор закончите, в баньку приходите. Я с утра велел натопить. Попаримся всласть, у меня банька духовая, пар лёгкий, — уже на пороге сказал Кокарев.

— Спасибо за приглашение, — сердечно поблагодарил Афанасий. — Не знаю, сможем ли, дел много, а мы торопимся назад в свой острожек, на Зелёную. Уж не обессудь...

На том раскланялись и отправились к дому воеводы Мангазейского уезда, в посадскую часть града, к Василию Кикину. Хоромы воеводы Кикина немного поплоче, чем у Кокарева, оказались. И хотя дом, как княжеский терем, смотрелся красочно, броско, но был

срублен по старому образцу так, как уже давно не строили. Гридницы, комнатухи — одна другой меньше, как клетушки, прямо лепились друг на дружку. Окна в них тоже маленькие, затянутые слюдой, двери низкие, каждый входящий, даже малого роста, должен кланяться, голову чуть ли не под пазуху прятать. Иначе шишек на лбу наставить мог, а то и саму башку расколошматить.

Не успели мужики войти во двор, а Василий с женой и дочерьми уже навстречу гостям катят, с крыльца полным выводком поспешают. Как-то же вызнал хитрюга уездный воевода, что большие гости из Москвы к нему направляются. Впрочем, чему удивляться, град-то хоть и богатый, знатный, но не такой уж и большой, новости быстрее дум разносились. Жена Василия, дородная баба, подбородок тройной, глазки маленькие — щелочки набрякли жиром, телом как колода, обширна, росту великаньего — на голову мужа перепрыгнула. Несла в пухлых белых ручках на вышитом домотканом полотнище каравай хлеба. Сам Василий, мужик щуплый, рябой, с бородавкой на левом глазу, какой-то неказистый, поднес чашу с солью. Девки все в мать: красномордые, одна другой обширнее, что сиськи, что бёдра, что талия — всё одного размера, что поставишь, что положишь — одинаково, несли графин с вином и ендовами.

«Как они в доме таком крохотном помещаются? Подрастут, заматереют и развалят курятник свой», — про себя со смешком подумал Севрюк.

— Здравы будьте, гости дорогие, — низко поклонился Василий Кикин, бородой землю подмёл и елеинным голосом предложил: — Отведайте нашего хлебца с солью, не побрезгуйте. Примите вина чашу — и прошу в дом. Стол накрыт, угощение ждёт дорогих москвитов.

Гости от хлеба не отказались, отломали каждый по куску, солью посыпали, в рот бережно положили, чинно сжевали. Оказался ничего хлебец — вкусён, запашист — умели, видать, мангазейские хлебопеки замешивать, не хуже московского выпекали. Взяли из рук румяных девиц и по чаше вина, но пить не стали, пригубили только. Склонив, чтоб не разбить, низко

головы, зашли в дом. Темно, свет едва пробивался из маленьких окон. Свечи не горели. Видать, экономили. С трудом осмотрелись, увидели в переднем правом углу иконы, перекрестились, пожелали мира дому сему.

— Прошу к столу, — тем же елеинным голосом пригласил хозяин. — Чем богаты, тем и рады.

Рады-то, видать, не очень были. Стол оказался накрыт намного скромнее, чем у городского воеводы. Афанасий до похода ещё вызнал, как, за счёт чего живут мангазейские воеводы. Кикин-то, по собранным сведениям, намного богаче Кокарева стоял, поскольку его мытари собирали подати не только с вверенного ему посада, но и со всего уезда. Тут и ненцы, и селькупы, и манси, и другой местный люд. Все в его суму пушное золото несли. Конечно, он не всё себе забирал, только где-то седьмую часть, остальное отправлял в Москву. Ну а кто считал, сколько он брал сверх подати? Никто. На столе стояло всего две штофы вина, квас в жбане, в центре прямо в чугуне дымилась каша, рядом в большой чаше стояли огурцы солёные и тот же каравай, от которого при встрече гости отщипывали. И всё! Как в худом крестьянском доме.

«Прижимист, выходит, воевода-то, — мысленно подытожили враз гости. — Знать, и помощь зажимать будет. Начнёт отбояриваться, уклоняться».

Кикин разлил вино в ендовы и предложил выпить за приезд, за здоровье гостей.

«Мягко стелет, да не пришлось бы жёстко спать», — подумал Севрюк.

Выпили мужики, закусили. Кикин больше не предлагал, вероятно считал, что и этого достаточно и так много чего вывалил, богато встретил. Он, Кикин-то, не только зажимистым слыл, он, как и его хоромы, за старое ратовал, старым жил, считал его надёжным, проверенным. Ретроградом был, новое почти не принимал. Считал любителей нововведений выскочками, болтунами, что это от нечистого, что от новшеств одно беспокойство, провалы, обрушения, ненужные заботы, хлопоты, которые неизвестно ещё каким боком вылезут.

Вот и сейчас ещё гости не успели рта раскрыть, сказать, зачем пришли, а он уже их просьбы изготавился в штыки принять. То,

что они пришли просить, он не сомневался, согладатаи, прихлебатели везде имелись, донесли, что москвиты к Кокареву за помощью ходили и много чего выпросили.

— С чем пожаловали, гости дорогие? — не утерпел, начал первый, не дождавшись вопросов, Кикин.

— Мы, господин воевода, пришли с огромной просьбой по оказанию помощи в строительстве канала на полуострове Ямал, на месте сухопутного волока. Для улучшения и ускорения морских походов из Москвы в вашу Мангазею. Канал выроем, в два раза поток груза увеличится. Будет весомая выгода граду и посадским, — почти слово в слово повторил сказанное у городского воеводы Афанасий.

— И в чём же просьба? — сошла приветливость, нашла тень на лицо уездного воеводы.

— Нам прежде всего нужны люди канал рыть, лошади, инструмент и материал строительный, — перечислял Тучков.

— Помилуйте, господа, где я всё это возьму?! — чуть ли не плаксиво воскликнул Кикин. — Всё в руках городского воеводы. У него людей пропасть, а у меня что? Ничего.

— Как это «где»?! Как это «ничего»? — нажал на голос Афанасий. — В вашем подчинении посадские и весь уезд.

Хитрый мангазейский воевода мигом отмахнулся:

— Посадских-то людишек раз-два и обчёлся, к тому же все на важных работах заняты — таких, что не оторвёшь. Кто коров пасёт, кто лошадей, кто строительство к зиме заканчивает. Снимешь, не закончишь, под открытым небом люди останутся. Что касается местных, коренных, то их всего-то с гулькины нос, их ещё пойдёшь найди, они же кочевники, сегодня здесь, завтра там...

— Та-а-ак!.. — растянул Афанасий. — Вы что, не хотите помогать общему делу?.. — покрепче нажал на голос Афанасий, вперившись глазами в Кикина. — Вы что, о развитии града, пригорода не заботитесь? Я же сказал, что товарооборот возрастет, град ещё больше забогатеет. Стремительно развиваться начнёт. Вам этого мало?! — поднял брови Тучков.

— Возрастёт-то возрастёт, — поначалу замямлил, чуть отступая, Кикин, — но вместе с

этим и беспорядков, преступлений больше станет. Народу понаедет немерено. Куда всех девать? Свободного жилья нет, будут по задворкам, по кабакам шастать, добрых людей грабить, убивать. Пойдут грабежи, воровство, насилие. Нам это нужно? Жили тихо, мирно, а тут бардак начнётся, полный сумбур. Закрывай глаза и беги. Нет, не нужно нам такого, — вновь уперся воевода.

— Значит, не хотите по доброй воле? Что же, придётся по-другому. Не хотел я силой вас понуждать, да придётся, видимо. Вот грамота, — с вызовом выложил на стол Тучков бумажный свиток, — в ней чёрным по белому — царский указ об оказании всем и каждому в нашем деле помощи. Читайте!

Кикин взял дрожащими руками, со страхом, благоговейно царскую грамоту и принялся за прочтение. Прочёл, помрачнел и едва слышно прошептал: «Убили, задушили!».

— Так вот, господин Кикин, — грозно начал Афанасий, — данным мне царской властью правом обязываю сегодня же нам выделить трёх хороших плотников для строительства острожка на Зелёной, дать древесины в количестве, указанном моим помощником, — показал рукой на Севрюка Тучков и уже совсем жёстко добавил: — По весне же — выделить и прислать на земляные работы пятьдесят человек с лошадьми, обозами, инструментом, каким — тоже укажет мой помощник. Всё ясно?

— Ясно, — прошептал испуганный Кикин и не слышно для гостей прошипел: — Чтоб вам пусто было, чтоб вы все провалились в тартары. Кровопийцы!

— И помни: невыполнение царского указа грозит потерей хлебного, насиженного места и должности, естественно. Я лично всё проверю и сообщу об исполнении в Москву. Засим прощаюсь, — Тучков повернулся к Сердюку, приказал: — Василий, я на корабль, а ты задержись, доведи дело до конца.

На том и покинул дом прижимистого хитрого мангазейского воеводы Кикина Афанасий Тучков.

Буквально через два дня, поскольку зима уже не стучалась, а сыпала снегом, решив большинство вопросов и затоварившись про-

дуктами на зиму, погрузив выделенных плотников и материал на кочи, вышли из Мангазеи и двинулись на всех парусах к своей пристани, в устье Зелёной на зимовку.

Пристали к причалу в своём острожке, названном по подобию реки «Зелёным», как раз вовремя, в конце пути уже приходилось крошить лёд носом кораблей и даже помогать баграми. По прибытии кочи разгрузили, вытащили по указанию Севрюка на плёс и подготовили к зимнему хранению.

Как только пришла зима, землю закрыл первый снег, ударили первые морозы. Афанасий, убедившись, что строительство острожка идёт задуманным ходом, собрался, оставив за себя Тимофея Глазова, в поездку в губернский град Тобольск, к брату Бажену, не столько к нему, сколько к своей ненаглядной Аглафере — красной девице. Выручать её требовалось, как упреждал его Фёдор. Сердцем чувал, что дольше тянуть было нельзя, если хотел любовь и невесту будущую сберечь. Для того, был уверен Афанасий, придётся все же хозяйку, своенравную Ульяну, жену брата, хоть и не хотелось, а ставить на место.

Ехать собрался на оленях с каюром — самоёдом, выздоровевшим Тэмзу Наречи, взял с собой ещё паренька Ивашку. Куда же без него! Как-никак Афанасия воспитанник. Поскольку путь был не близок, Тэмзу Наречи запряг в нарту сразу четырёх оленей. Кроме того, взял с собой ещё четырёх запасных, быстрых на ногу быков для смены запряжённых. До Обдорска по Мангазейскому морю (Обской губе) доехали без приключений, здесь отдохнули, переночевали у знакомых Тимофея Глазова и дальше — по Оби, по Тоболу — в Тобольск. Недели за три доехали, могли бы раньше, но по дороге охотились, рыбачили, давали отдых оленям. Свежее мясо и рыба всегда вкуснее копчёного, вяленого.

Сразу — в дом брата, тот и рот раскрыл — никак не чаял, не ожидал, что такое счастье на голову свалится. Обнялись, расцеловались, старшой без обиняков и в первую очередь спрашивает:

— Ну, говори, что там с невестой моей Аглаферой, как она? — и замер, напрягся в ожидании неприятных, убийственных для него слов.

— С Аглаферой-то? — замялся брат. — Видишь ли, Ульяна моя меня не слушает, взбесилась в последнее время совсем, мужика ей нашла. Под венец её погнала.

— Что-о?! — взревел Афанасий, его лицо побагровело, глаза метали молнии. — Когда, в какой! Ну, говори, слизняк! Не мог девку защитить!

— Сегодня... Перед твоим приездом, только что ушли. Я сам туда собирался. Без меня не должны начать, — неуверенно мямлил Бажен.

— А ну, веди, да быстрее давай! — Афанасий вытолкнул брата взащей за порог, не дав и шубу надеть.

Ворвался Тучков в церковь, словно зверь разъярённый, зыркнул гневно глазами туда-сюда и в полутьме разглядел свою желанную Аглаферушку — заплаканную, убитую горем, с каким-то пришибленным мужичонкой. Их уже к алтарю вели, венчать собирались. Торопилась, видать, Ульяна, сердцем чувствовала, что-то наперекор её желанию произойдёт. Она почему такое гнусное дело затеяла — да из-за любви всё, из-за неё, треклятой. Как только Афанасий появился в их семье, она сразу и вторилась, позже из-за неразделённых чувств сохнуть начала, влюбилась-то по уши, считала, что судьба обделила её, сыграла злую шутку, за Бажена, робкого, хлипкого, как ей казалось, выдала. Жила с ношей такой непосильной и не знала, как отыграться, чем унять бушующее остервенелое пламя в груди. Тут Бажен ещё взял и поделился с ней насчёт Аглаферы, хотел-то союзницу найти, а нарвался на ярую противницу — врага.

Афанасий же, не мешкая, резко подошёл к алтарю, взял Аглаферу твёрдо за руку и, бросив: «Идём отсюда!», повёл её к выходу. На ходу притормозил, остановился около Ульяны, стоявшей сбоку от обручаемых, высыпал пригоршню серебра ей за пазуху и злобно отчеканил тоном, не терпящим возражений:

— Это тебе, родственница, выкуп за девку сенную. Забудь о ней!

В тот же день, навестив губернского воеводу и поблагодарив его за оказанную помощь, выехали аргием обратно. До Обдорска доехали быстро, там, помня свои слова, что в посёлке «Зелёном» баб, пока не обустроятся, не будет,

у знакомых Тимофея Глазова оставил свою возлюбленную, на прощание сказав:

— Ближе к весне приеду свататься. Жди. Пока извини. Дел в острожке полно — государственных, важных. Их не отложишь.

Два года, два лета канал строили и лишь глубокой осенью второго года закончили. В зиму же второго заканчивали строительство острожка на Зелёной: поставили церковь небольшую деревянную, таможенную расширили, складов, амбаров прибавили, крепостную стену из заострённых брёвен по периметру плотно наставили. Невелика защита, но с наскоку не возьмёшь. По весне, как только лёд сошёл, теперь уже по своему каналу отправился отряд Афанасия в обратный путь, сначала на Холмогоры, а потом уже в стольный град Москву с докладом к царскому двору о выполненном задании.

Афанасий стоял на среднем коче, широко, прочно расставив ноги, вместе со своей женой, лебёдушкой Аглаферой, и с некоторой тревогой смотрел вдаль, в бурлящее водой рукотворное русло канала. Его беспокоило, пройдут ли средние, нагруженные под завязку кочи по каналу, хватит ли отрытой ими глубины. Ведь Тар Ямал вместе с Сэру Ирику предсказали, что по каналу будут ходить только малые и

средние лодки. Слава Господу и святителю Николаю, защитнику мореходов — караван кочей, нагруженный пушной рухлядью, рыбой, мясом оленьим, клыками моржовыми, под командованием воеводы архангельского благополучно, не зацепив дно, прошёл по каналу, названному строителями за глаза воеводы каналом имени Тучкова, а самоедами — «самодельной рекой воеводы Фанасия».

Примечания

- ¹ Еся нюня — гагара (*ненецк.*)
- ² Ровдуга — замша из оленьей или лосиной кожи.
- ³ Кисы — зимняя обувь на Севере, сшитая из лап оленя.
- ⁴ Магазея — амбар, магазин.
- ⁵ Гридница — большой зал в княжеском доме для дружинников.

Юрий Михайлович БЛИНОВ

родился на Урале в 1946 году.

Окончил политехнический институт и аспирантуру в Твери.

В литературе более 30 лет.

Публиковался в журналах, альманахах, сборниках, газетах:

«Юность», «Урал», «Сибирские огни» и многих других.

Издal двенадцать книг: «Изгой» под номерами 1, 2, 3, «Сын хозяина»,

«Древние мужи Ямала», дилогию «Дороги Чубарова»,

«Медвежий след», «Лесные вольные», «Охолонь»,

в том числе книги на польском и итальянском языках.

Член Союза писателей России,

член Союза писателей Москвы.

Лауреат премии имени В. Катаева 2002 г.,

имени А. М. Горького 2007 г.

Живёт в Москве, активно работает.

